V 223/71

Г 223
71

Проф. Т. Флоринскій.

НОВѢЙШІЕ ТРУДЫ

ПО ИЗУЧЕНІЮ ЮЖНО-СЛАВЯНСКОЙ СТАРИНЫ

И

НАРОДНОСТИ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
В. І. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.
1894.

2007111657

V 223/71

Проф. Т. Флоринскій.

НОВѢЙШІЕ ТРУДЫ

ПО ИЗУЧЕНІЮ ЮЖНО-СЛАВЯНСКОЙ СТАРИНЫ

И

НАРОДНОСТИ.

Библіотека Румянцевскаго Музея
XXI-6195

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
В. І. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.
1894.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1894 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Универ. Св. Владиміра.

Новѣйшіе труды по изученію южно-славянской старины и народности.

1. Изслѣдованія акад. Ст. Новаковича.

а) „Село“ из дела „Народ и земља у старој српској држави“. Београд 1891. VIII + 261. (Глас Српске Краљевске Академје. XXIV).

б) Град, трг, варош. К историји речи и предмета, који се њима казују. Неколико страна из дела „Градови и трговн у старој српској држави“ у Београду, 1892. 17. (изъ журн. „Наставник“).

в) Српска баштина у старијим турским законима. Београд. 1892. 26. (изъ журн. „Правник“).

г) Удава или самовласно аншење за дуг у староме српском законодавству и у народним обичајима. Прилог к познавању средњевековног парничног поступка у Србији. У Београду 1892 14. (Изъ ж. „Правник“).

д) Струмска област у XIV веку и цар Стефан Душан. Београд 1893. 44. (Глас Срп. Крал. Акад. XXXVI).

е) Срби и Турци XIV и XV века. Историјске студије о првим борбама с најездом турском пре и после боја на Косову, у Београду 1893 VII + 397. (XXXIII Издање Чупићеве Задужбине).

ж) Први основи словенске књижевности међу Балканским словенима. Легенда о Владимиру и Косари. Културно историјске студије, у Београду 1893. VIII + 299. Изд. Срп. Кр. Акад.).

з) С Мораве на Вардар. 1886. Путне белешке. У Београду 1893. 76. (Годишњица Николе Чупића XIII).

Академикъ Стоянъ Новаковичъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ, наиболѣе почетныхъ мѣстъ въ ряду современныхъ сербскихъ ученыхъ, работающихъ въ области изученія родной старины и народности. Труды его весьма многочисленны, разнообразны по содержанію и отличаются выдающимися достоинствами, чѣмъ обусловливается

важное ихъ значеніе не только въ мѣстной сербо-хорватской литературѣ, но вообще въ славянской наукѣ. Они относятся къ языку и старинной литературѣ, этнографіи и народной поэзіи, исторической географіи и культурной исторіи. По всѣмъ этимъ областямъ почтеннымъ ученымъ издана масса цѣнныхъ матеріаловъ, поставлено и рѣшено не мало частныхъ вопросовъ и написанъ рядъ прекрасныхъ работъ общаго характера. Замѣчательная литературная дѣятельность г. Новаковича, болѣе 30 лѣтъ работающаго надъ изученіемъ прошлаго своего народа, особенно оживилась въ послѣдніе годы, со времени оставленія имъ занимаемыхъ дотолѣ высокихъ и отвѣтственныхъ государственныхъ должностей. Въ теченіе 1890—93 г.г. славянская наука обогатилась значительнымъ количествомъ его любопытныхъ изслѣдованій и монографій, большею частью представляющихъ собой итоги его давнихъ занятій или большіе отрывки изъ задуманныхъ имъ обширныхъ сочиненій по исторіи Сербіи. Остановимся на этихъ новѣйшихъ трудахъ, точныя заглавія которыхъ выписаны выше.

На первомъ мѣстѣ нужно поставить цѣлый рядъ монографій по внутренней исторіи стараго сербскаго государства. Послѣдняя, какъ извѣстно, разработана весьма недостаточно, частью вслѣдствіе скудости источниковъ, частью по причинѣ трудности относящихся къ ней вопросовъ. Новаковичъ давно уже задался мыслью составленія большаго труда, подъ заглавіемъ „Народ и земља у старој српској држави“, который долженъ былъ пополнить этотъ пробѣлъ въ сербской исторіографіи. Осуществленіе этого труда естественно потребовало отъ автора многихъ частныхъ изысканій и изслѣдованій, которыя и выходятъ постепенно отдѣльными монографіями. Въ 1890 г. имъ была напечатана работа объ оригинальныхъ формахъ сербскаго землевладѣнія—проніи и баштинѣ (Пронијари и баштиници. Глас. Српске Акад. I [1]). Въ 1891 — 92. вышли въ свѣтъ — большая монографія „Село“ и меньшія изслѣдованія: а, Град, трг, варош; б, Српска баштина у старијим турским законима и в, Удава.

Монографія „*Село*“ представляетъ собой обстоятельно составленный и прекрасно написанный трудъ о старомъ сербскомъ селѣ, этой важнѣйшей единицѣ государственнаго и народнаго организма. Авторъ тщательно изучилъ всѣ имѣющіеся на лицо источники, которые

---

[1]) Ср. нашу статью въ Унив. Извѣст. 1890 г.

заключаются главнѣйше въ грамотахъ и Законникѣ Душана; но такъ какъ этого матеріала оказывалось недостаточно для изображенія въ полной картинѣ древняго села, то онъ обратился къ этнографическимъ описаніямъ болѣе новаго времени, исходя изъ того положенія, что основы сербской народной жизни оставались неизмѣнными и въ турецкую эпоху и позже съ возстановленіемъ сербскаго государства до введенія въ немъ новыхъ порядковъ и законовъ. Такимъ образомъ въ изслѣдованіи г. Новаковича показанія древнихъ историческихъ источниковъ постоянно чередуются съ наблюденіями и выводами путешественниковъ и изслѣдователей народной жизни новаго времени. Противъ такого пріема не приходится возражать; правильность его и приносимая имъ польза весьма замѣтны во многихъ мѣстахъ книги г. Новаковича. Намъ кажется только, что примѣненіе этого метода требуетъ значительной осторожности. Провѣрка скудныхъ, иногда неясныхъ свидѣтельствъ памятниковъ данными новѣйшей традиціи не рѣдко даетъ прекрасные результаты; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы историкъ имѣлъ право пріурочивать глубокой старинѣ тѣ явленія и стороны народной жизни новаго времени, о которыхъ совсѣмъ молчатъ древніе памятники. Признавая вмѣстѣ съ авторомъ, что въ народномъ бытѣ сербовъ, какъ и другихъ юго-славянъ, до недавняго времени сохранялось, а частью и теперь сохраняется много старыхъ началъ, мы не можемъ допустить, чтобы основы народной жизни сербовъ оставались въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ безъ измѣненія. Напротивъ, полагаемъ, что въ извѣстной степени онѣ должны были подвергаться тѣмъ или инымъ превращеніямъ и передѣлкамъ. Если новѣйшій государственный строй повліялъ на народный семейный и общественный бытъ, то нѣчто подобное, хотя и не въ столь большихъ размѣрахъ должно было произойти въ періодъ продолжительнаго турецкаго владычества. Да и во времена стараго сербскаго государства формы общественнаго быта и строя несомнѣнно проходили извѣстныя ступени развитія, а не представляли чего-то разъ установившагося, цѣльнаго, законченнаго. Поэтому мы не можемъ согласиться съ выставленнымъ въ книгѣ г. Новаковича положеніемъ, что въ жизни сербскаго села существуютъ только два періода: одинъ—со времени поселенія сербовъ въ занимаемыхъ ими нынѣ земляхъ до введенія новыхъ учрежденій въ возстановленномъ государствѣ, другой—отъ этого времени. Отсюда явствуетъ общій характеръ труда г. Новаковича; въ немъ дана

не исторія сербскаго села, а характеристика села вообще въ старое время. Задача эта выполнена весьма удачно; но при всемъ томъ рѣшеніе ея оставляетъ открытымъ и даже не поставленнымъ цѣлый рядъ любопытныхъ чисто историческихъ вопросовъ, напр.: какія обще-славянскія черты представляло сербское село, какія стороны въ жизни и организаціи сербскаго села возникли подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и какія должны быть отнесены на долю византійскаго вліянія; какія перемѣны происходили въ положеніи сельскаго населенія въ разныя эпохи и въ разныхъ частяхъ сербской территоріи и т. п. Мы признаемся, что рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ, при скудости источниковъ для внутренней исторіи сербскаго народа представляетъ большія трудности, но все же оно не невозможно.

Изслѣдованіе раздѣлено на четыре главы. Въ первой разсматривается село какъ „единица государственнаго и народнаго организма“, при чемъ дана общая характеристика населенія древней Сербіи (1—73). Авторъ отправляется отъ разбора старыхъ названій государства и его частей. Онъ опредѣляетъ по памятникамъ значеніе терминовъ: „земля“, „область“, „держава“, „жупа“, „градъ“; вкратцѣ касается вопроса о жупѣ и объ отношеніяхъ городовъ къ жупамъ и переходитъ къ главному предмету своей работы—самой малой единицѣ государственнаго организма—селу. Старое сербское государство складывалось изъ земель и областей, которыя дѣлились на жупы съ ихъ средоточіями—городами; жупы же состояли изъ селъ. Такимъ образомъ село прежде всего стоитъ въ тѣсной связи съ жупой. Не входя въ подробное изслѣдованіе вопроса объ организаціи жупы, г. Новаковичъ высказываетъ оригинальныя замѣчанія о значеніи жупы какъ государственной единицы. По его мнѣнію, жупа не представляла внутренняго единства и цѣльности. Находящіяся въ источникахъ упоминанія о жупныхъ повинностяхъ, о круговой отвѣтственности жупы въ уголовныхъ дѣлахъ, а равно неясное свидѣтельство о существованіи сборовъ въ пользу жупы (приплата жупска, данак жупски) еще недаютъ основаній заключать о какой-либо общественной организаціи жупы. Жупа прежде всего терминъ географическій и административный. Связью составныхъ частей жупы служили: единство верховной власти въ лицѣ владѣльца жупы (баштинника или проніара) или поставленнаго царемъ правителя, и общій центръ — *градъ*. Иное значеніе имѣло село. Оно было настоящимъ средоточіемъ народной жизни. Оно представляло собой

ту жизненную, дѣятельную силу, которою жила жупа. Что въ источникахъ приписывается жупѣ, въ дѣйствительности выполняли села; т. н. жупныя повинности распредѣлялись между жупными селами, при этомъ такъ, что въ каждой жупной повинности участвовали не только всѣ села одной жупы, а часто села другихъ сосѣднихъ жупъ. Село есть первообразъ общественнаго народнаго учрежденія и тожественно съ общиной современнаго сербскаго государства.

Всѣ эти соображенія почтеннаго автора, достаточно оправдывающія живой интересъ къ изученію сербскаго села, заслуживаютъ полнаго вниманія. Но мнѣніе его относительно значенія жупы въ народной и государственной жизни представляется намъ недостаточно обоснованнымъ. Вопросъ о жупѣ и ея организаціи еще не подвергался тщательному анализу. Для рѣшенія его слѣдовало бы собрать всѣ представляемыя источниками упоминанія о жупахъ; пока это не сдѣлано, едва ли возможны какія-либо окончательныя заключенія. Впрочемъ, и тѣ данныя, которыя приводитъ г. Новаковичъ, на мой взглядъ имѣютъ значеніе бо́льшее чѣмъ то, какое имъ придаетъ авторъ. „Жупски данак“ и „жупска приплата“ (хотя бы мы въ точности незнали, что обозначается этими терминами) и круговая отвѣтственность жупы по уголовнымъ процессамъ, по моему мнѣнію, свидѣтельствуютъ объ извѣстностной цѣльности, сплоченности частей жупы, какъ опредѣленной общественно-государственной единицы, для которой можно предполагать внутреннюю организацію. Въ этомъ отношеніи весьма важна указываемая авторомъ 152 (по призр. сп.) ст. Законника Душана, цитируемая имъ не въ полномъ видѣ и толкуемая произвольно. Въ книгѣ г. Новаковича сказано: „Најпосле се целина жупе види још. из чл. 152, у коме се говори да се лопов или разбојник, ухваћен у крађи или грабежу, може предати *жупи* или *селу*, али ту се, без сумње, целина жупе мисли само у њеном старешини“. Между тѣмъ въ текстѣ статьи стоитъ: или их прѣда жупѣ, или селомь, *или господарем*, *или властелину* кди ѥ надъ нымь . . . ; откуда видно, что *жупа* здѣсь отнюдь не отождествляется съ ея главнымъ представителемъ—*господаремъ*, а прямо противополагается и ему и селу, какъ особый общественно-государственный факторъ [1]). Наконецъ, можно прибавить, что разъясненi-

[1]) Кстати будетъ замѣтить, что означенная статья Законника, кажется, правильнѣе читается въ первомъ Григоровичевомъ спискѣ: Симь зи образомь да се каже тать и гоу

вопроса о сербской жупѣ можетъ быть облегчено сравнительнымъ изученіемъ жупы и жупной организаціи у другихъ славянъ.

Послѣ указанныхъ общихъ вопросовъ авторъ приступаетъ къ описанію села со стороны образа жизни и занятій его обитателей. Онъ различаетъ два главныхъ типа селъ—съ пастушескимъ населеніемъ и земледѣльческимъ. Первыя имѣли особое названіе *катуновъ* и жители ихъ назывались влахами и арбанасами; вторымъ исключительно принадлежало названіе селъ. Здѣсь г. Новаковичъ останавливается главнымъ образомъ на катунахъ и даетъ прекрасно составленный очеркъ быта и занятій влаховъ, для чего пользуется какъ показаніями старыхъ источниковъ, такъ описаніями остатковъ пастушескаго быта въ Сербіи и Болгаріи, принадлежащими новѣйшимъ путешественникамъ. Происхожденіе катуновъ и развитіе пастушеской жизни также, какъ многое другое, не освѣщено съ исторической точки зрѣнія. Авторъ дѣлитъ сельское населеніе въ старомъ Сербскомъ государствѣ на пастуховъ и земледѣльцевъ, при чемъ среди влаховъ различаетъ осѣдлыхъ, имѣющихъ села, и кочевниковъ, и разсматриваетъ эти двѣ различныя формы быта какъ одинаково исконныя и присущія сербскому народу. Между тѣмъ развитіе въ Сербіи пастушескаго быта несомнѣнно должно быть отнесено на долю туземнаго неславянскаго населенія, господствовавшаго въ странѣ до поселенія сербовъ. На это указываютъ самыя названія: катунъ, влахи, арбанасы. Въ древнѣйшую пору существованія Сербскаго государства представителями пастушескаго быта были если не исключительно, то преимущественно настоящіе влахи (т. е. румыны, романизованные ѳракійцы) и албанцы; съ теченіемъ времени послѣдніе смѣшались съ сербами, которые преимущественно занимались земледѣліемъ, и тогда имена влаховъ и арбанасовъ получили значеніе нарицательныхъ для обозначенія пастуховъ т. е. людей, занимающихся только скотоводствомъ. Въ сербскихъ грамотахъ XIII и особенно XIV в. сохранилось не мало мѣстныхъ и особенно личныхъ именъ румынскаго происхожденія (Бул,

---

сарь облачни и такови . . . въ обличеніе, ако се що где . . . оу них или ако их ухвате оу гоусѣ или оу крагы, *или их прьда жоупа*, или *села*, или *господари*, или *властеле* кои соу над ними, како ѥсть выше оуписано, тизи гоусарие и тати да се не помилоую, нь да се ослѣпе и обѣсе. (Ср. наше сочиненіе Памятники законодательной дѣятельности Душана. К. 1888. Приложеніе I, стр. 70).

Гриппон, Барбот, Радул, Мотул и др.). На основаніи этихъ и другихъ данныхъ слѣдуетъ заключать, что въ указанный періодъ среди пастушескаго населенія Сербіи было значительное количество настоящихъ влаховъ, т. е. румыновъ. Инородческій элементъ между влахами усматриваетъ и г. Новаковичъ, но повидимому, не признаетъ за нимъ большаго значенія и не отмѣчаетъ его вліянія на развитіе въ Сербіи пастушескаго быта. Между тѣмъ въ такой работѣ какъ настоящая весьма желательно было бы найти сводъ всѣхъ имѣющихся въ источникахъ указаній на румынскій элементъ въ населеніи древней Сербіи. Наши замѣчанія сводятся къ тому заключенію, что едва ли правильно при изученіи самой дробной единицы государственнаго организма Старой Сербіи ставить на одну линію чисто сербское село и влашскій катунъ. Между обоими типами населенныхъ мѣстъ была существенная разница и въ происхожденіи, и въ этнографическомъ составѣ населенія, и въ организаціи. Да и относительно административно-правоваго положенія едва-ли можно приравнивать катунъ къ селу. Тогда какъ села входили въ составъ жупы, о катунахъ нельзя этого утверждать съ достовѣрностью. Самъ г. Новаковичъ полагаетъ, что катуны не входили въ составъ жупъ.

Кромѣ земледѣлія и скотоводства сельскій людъ въ древней Сербіи занимался ремеслами. По селамъ нерѣдко упоминаются разные „майстори“ (ковачи, дрводеље, шавице, кожаре, седларе, грнчаре, зидаре, златаре). Авторъ внимательно собралъ изъ источниковъ свѣдѣнія объ этомъ классѣ населенія, освѣтивъ эти свѣдѣнія параллелями изъ сообщеній новѣйшаго времени.

Во второй главѣ (73—115) описываются внѣшніе признаки села какъ административной единицы. Село имѣло опредѣленныя границы, которыя подробно обозначаются въ актахъ; вопросъ о границахъ имѣлъ въ старину важное значеніе, которое разъяснено авторомъ весьма полно и обстоятельно. Село имѣло свои права и обязанности. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ г. Новаковичъ ставитъ отвѣтственность села за совершенныя въ его предѣлахъ уголовныя преступленія; какъ то поджоги, сожиганіе умершихъ, принимаемыхъ за вампира, убійство, кражи и грабежи. Въ строгой опредѣленности границъ и въ общей уголовной отвѣтственности и заключаются главныя указанія источниковъ на цѣльность и внутреннее единство села, какъ административной единицы. Относительно организаціи сельскаго управленія историческихъ свидѣ-

тельствъ почти нѣтъ. Изъ одной статьи Законника извѣстно, что главная власть въ селѣ принадлежала старѣйшинѣ, который носитъ названія *кнеза*, *примичура*, *предстойника*, или *челника*. Какъ велики были права этихъ старѣйшинъ, была ли и, если была, то въ чемъ состояла разница въ положеніи старѣйшинъ; всегда ли старѣйшины были выборные, или назначались владѣльцами селъ—на всѣ эти вопросы нѣтъ никакого отвѣта въ источникахъ. Основываясь на двухъ краткихъ свидѣтельствахъ памятниковъ и на данныхъ объ организаціи сельскаго управленія въ новѣйшее время, почтенный авторъ признаетъ для древне-сербскаго села существованіе и другаго органа управленія—„сельскаго схода“ (збор.). Но такое мнѣніе можетъ быть принято не болѣе какъ предположеніе, такъ какъ упомянутыхъ двухъ свидѣтельствъ [1]) слишкомъ недостаточно для рѣшенія вопроса, а пріурочивать къ XIII—XIV ст. порядки въ жизни села, подмѣченные въ нынѣшнемъ столѣтіи, нѣсколько смѣло.

Третья глава (115—182) посвящена внутреннимъ отношеніямъ села. Здѣсь авторъ даетъ рядъ мастерски обработанныхъ изслѣдованій о „засельяхъ или засельцахъ“ и „селищахъ“, о непостоянствѣ и подвижности сельскаго населенія и о правахъ поселянъ на землю. Основное положеніе, доказанное въ этой части книги, состоитъ въ томъ что земля села со всѣми угодьями оставалась неизмѣнной въ своемъ объемѣ и цѣлости, населеніе же вслѣдствіе притѣсненій со стороны привилегированныхъ владѣющихъ классовъ часто передвигалось съ мѣста на мѣсто, мѣняя села. Въ связи съ этимъ постояннымъ передвиженіемъ сельскаго люда, которое, какъ извѣстно, было ограничено, а потомъ и запрещено Законникомъ Душана, стояло образованіе засельковъ и превращеніе селищъ въ села. Г. Новаковичу принадлежитъ заслуга выясненія истиннаго значенія термина „селище“, который такъ затруднялъ Даничича, въ концѣ концовъ отожествившаго *селище* съ *селомъ*. Нашъ авторъ доказалъ, что селище было не что иное, какъ пустое, покинутое населеніемъ село. Селище могло быть предметомъ купли или продажи и въ томъ или другомъ случаѣ, или даже независимо отъ него, могло получить новыхъ обитателей.

---

[1]) Въ Дечанскомъ хрисовулѣ говорится что новое размежеваніе двухъ селъ производилъ Богданъ судья и „с'боръ тѣх' ви селъ“; в Призрѣнскомъ хрисовулѣ Душана упоминается, что границы одного поселка шли „прѣкымь путемь на з'боръ“.

Составъ населенія селъ въ отношеніи сословныхъ и имущественныхъ правъ былъ весма разнообразный: въ селѣ жили и мелкіе баштинники (себры), т. е. поселяне, владѣвшіе землей на правахъ наслѣдственной собственности, новые поселенцы безъ баштинъ, но свободные, меропхи (т. е. люди жившіе на чужой землѣ) и отроки (т. е. рабы), попы—баштинники и неимущіе своей собственности, а получавшіе три нивы и т. д. Независимо отъ различныхъ правъ на землю разныхъ классовъ сельскаго люда, село какъ нѣчто цѣлое и единое, какъ община имѣла право на пользованіе лѣсомъ, выгономъ и пр. Къ сожалѣнію, умѣстный здѣсь вопросъ объ отношеніяхъ сельскаго населенія къ настоящимъ владѣльцамъ селъ, какими были краль, или властели, или церковь, едва затронутъ авторомъ, вѣроятно потому что онъ связывается съ другимъ очень важнымъ и еще не изслѣдованнымъ съ достаточною полнотою вопросомъ о сословіяхъ въ старомъ сербскомъ государствѣ, главнѣйше съ вопросомъ о себрахъ и меропхахъ.

Не менѣе цѣнна четвертая и послѣдняя глава „имущественныя личныя и податныя отношенія старыхъ селъ“ (183 и 250). Здѣсь авторъ занимается главнымъ образомъ двумя общими вопросами большой важности: объ общинномъ сельскомъ землевладѣніи (сельская задруга) и о семейной задругѣ. Основываясь на показаніяхъ древнихъ памятниковъ, на современномъ положеніи сербскаго села а также на выводахъ новѣйшихъ извѣстныхъ изслѣдователей (какъ Фюстель де Куланжъ, Ефименко), считающихъ невозможнымъ доказать для древняго времени существованіе въ селахъ общиннаго землевладѣнія, г. Новаковичъ рѣшаетъ первый вопросъ въ томъ смыслѣ, что и въ Старой Сербіи село не имѣло никакой общей собственности кромѣ лѣса и выгона. Не отрицая извѣстнаго значенія за соображеніями почтеннаго автора, мы не думаемъ, однако, чтобы предположенное имъ рѣшеніе спорнаго и труднаго вопроса можно было считать окончательнымъ. Критикой (статья ак. Ягича въ Archiv für Slavische Philologie Bd. XV; 115—116) уже указаны въ древнихъ памятникахъ тексты, приводящіе къ иному заключенію (Напр. статья Законника Душана: Отроци и мерьпси кои се(де) заіедно оу ѥдномь селоу, вьсака плата коꙗ приходи да плакꙗго вьси заѥдьно на люди, како платоу плакꙗю и работоу работаю, *такози и землю да дрьже* [1]). Извѣстно также, что

[1]) Наше изслѣдованіе „Памятники законодательной дѣятельности Душана“. Приложенія. 3).

проф. Ѳ. И. Успенскій въ изслѣдованномъ имъ т. н. Хиландарскомъ практикѣ XIV в. [1]) нашелъ ясныя указанія на существованіе по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нераздѣльной крестьянской общины и общиннаго землевладѣнія. Нашъ авторъ былъ знакомъ съ изслѣдованіемъ проф. Успенскаго, но, повидимому, упустилъ изъ виду нѣкоторые изъ указанныхъ послѣднимъ фактовъ.

Вопросъ о семейной задругѣ въ древней Сербіи обслѣдованъ г. Новаковичемъ всесторонне и глубоко. Выводы автора прочно обоснованы и не вызываютъ никакихъ возраженій. Главнѣйшіе изъ нихъ состоятъ въ слѣдующемъ. Общераспространенное мнѣніе о разцвѣтѣ задружнаго быта въ старомъ Сербскомъ государствѣ не подтверждается показаніями источниковъ. Задруга, конечно, существовала но рядомъ съ ней была распространена инокоштина (т. е. раздѣльное, подворное хозяйство). Экономическія финансовыя и соціальныя условія въ древней Сербіи не благопріятствовали, а скорѣе мѣшали развитію задруги. Государственная власть содѣйствовала раздѣленію семей и законами опредѣляла границы задружнаго быта. Большихъ задругъ въ 50—80 душъ наблюдаемыхъ и описанныхъ въ позднѣйшее время, въ старину не было; обыкновенная цифра мужчинъ—членовъ задруги, 7, 8, 9, 10, 11; задруги, состоящія изъ 13, 14, 15, 16 мужчинъ—встрѣчаются гораздо рѣже. На свободныхъ земляхъ и тамъ, гдѣ населеніе вообще менѣе было подавлено господствующими массами, задруги были численнѣе, сильнѣе. Въ эпоху турецкаго владычества вслѣдствіе разныхъ причинъ, (главнѣйше невмѣшательства правительства въ семейную жизнь народа, потребности усилить самооборону семьи въ виду общественной небезопасности, насилій, неправдъ и т. п.) задруга, какъ чисто-народный институтъ, лежащій въ основѣ народной жизни, получила условія болѣе благопріятныя ея внутреннему развитію и болѣе широкому распространенію.

Изъ частностей этой главы отмѣтимъ любопытныя соображенія автора о величинѣ сербскихъ селъ встарину, о распредѣленіи налоговъ и повинностей между населеніемъ, о числѣ представителей духовенства по селамъ и др.

Въ общемъ книга ак. Новаковича „Село“, несмотря на указанные недостатки и нѣкоторую неполноту, представляетъ замѣчатель-

---

[1]) Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ XIV в. Одесса 1883.

ное явленіе въ разработкѣ внутренняго состоянія стараго сербскаго государства.

Полнаго вниманія заслуживаютъ и меньшія работы однороднаго содержанія того же автора. Въ этюдѣ подъ заглавіемъ „*Град, трг, варош*“, опять составляющемъ лишь отрывокъ изъ предпринятаго г. Новаковичемъ сочиненія о городахъ и торгахъ въ старомъ сербскомъ государствѣ, выяснено на основаніи историческихъ свидѣтельствъ значеніе указанныхъ въ заголовкѣ названій населенныхъ мѣстъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ наиболѣе любопытныхъ замѣчаній автора. Древній *градъ* вмѣщалъ въ себѣ стоящее на возвышенномъ мѣстѣ укрѣпленіе или собственный *градъ* (мѣстопребываніе власти) и прилегающій къ нему поселокъ или т. н. *подградье*, въ которомъ обитали рудари, торговцы, майсторы. Отсюда въ старинномъ языкѣ слово *градъ* обозначало не только укрѣпленіе или замокъ, но и населеніе укрѣпленія и прилегающей къ нему мѣстности. Очень рано подградья, какъ средоточія торговли, получили особыя названія *торговъ* (*трг*). Слово торгъ могло имѣть и другое значеніе. Оно примѣнялось къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ не было постояннаго торговаго населенія и торговля производилась только въ извѣстное время, напр. близъ церквей и монастырей въ храмовые праздники, при переправахъ черезъ рѣки, и пр. Первоначально въ этихъ мѣстахъ были обыкновенныя села и для торговли назначались извѣстныя мѣста и опредѣленные дни, но потомъ, съ развитіемъ значенія такихъ селъ, въ нихъ появились торговыя заведенія и мастерскія ремесленниковъ и село превращалось въ *торгъ*. Такъ возникали торговые поселки помимо градовъ. Для обозначенія временныхъ торговъ употреблялись и другія названія: греческое *панаѣур* или *панагирь*—торгъ въ храмовые праздники, и турецкое *пазар*, входящее въ употребленіе въ XV в. Послѣднее могло обозначать и постоянный торгъ—торговое мѣстечко, какъ это видно изъ названія города Новый Пазаръ. Слово *варош*, тоже иностраннаго происхожденія, самое употребительное въ современномъ сербо-хорватскомъ языкѣ для обозначенія города въ противоположность селу, впервые встрѣчается въ памятникахъ XV ст., но проникло оно въ языкъ несомнѣнно раньше. Въ томъ же значеніи оно встрѣчается у словинцевъ (varaš), болгаръ, угорскихъ русскихъ, румынъ (ораш), грековъ (Βαροσι), албанцевъ и турокъ. Весьма любопытно, что г. Новаковичу удалось найти въ древнихъ памятникахъ указаніе на употребленіе слово *мѣсто*

въ значеніи городскаго населенія; въ такомъ значеніи это слово, однако, не удержалось въ сербо-хорватскомъ языкѣ. Иначе было въ чешскомъ и польскомъ языкахъ.

Въ другомъ историческомъ этюдѣ „*Српска баштина у старијим турским законима*“ г. Новаковичъ возвращается къ весьма важному вопросу, затронутому имъ въ одномъ изъ прежнихъ изслѣдованій подъ заглавіемъ „Пронијари и баштинници“. Отстаивая извѣстную уже намъ мысль о томъ, что съ завоеваніемъ Сербскаго государства турками не произошло существенныхъ перемѣнъ какъ вообще въ государственномъ и общественномъ строѣ, такъ и въ частности въ формахъ землевладѣнія, авторъ доказывалъ, что, между прочимъ, въ турецкое время удержалась сербская баштина. Теперь онъ подтверждаетъ это положеніе рядомъ выписокъ изъ султанскихъ бератовъ и другихъ турецкихъ законодательныхъ памятниковъ XV и XVI ст. Любопытно, что терминъ *баштина* встрѣчается и въ турецкихъ постановленіяхъ нынѣшняго столѣтія.

Третья маленькая работа „*Удава или самовласко апшење за дуг*“ посвящена исторіко-юридическому вопросу объ *удавѣ* или самовольномъ задержаніи за долгъ. Поставивъ сербскій обычай *удавы* въ связь съ однородными обычаями, внесенными въ средневѣковыя законодательства западныхъ народовъ, авторъ выбираетъ изъ древнихъ сербскихъ источниковъ всѣ относящіяся къ этому предмету данныя и слѣдитъ за судьбой обычая. По его мнѣнію *удати* первоначально значило самовольно схватить и задержать должника, съ тѣмъ чтобы потомъ предать его суду за невыплаченный долгъ. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ прогресса въ правовыхъ понятіяхъ, кредиторъ уже не хваталъ и не задерживалъ самъ лично должника, а дѣлали это власти; такое задержаніе также называлось *удавой*. Наконецъ позже этимъ терминомъ стало обозначаться всякаго рода обвиненіе. Противъ *удавы* въ первомъ значеніи возставали сербскіе короли начиная съ Милутина; въ Законникѣ Душана этотъ обычай категорически запрещается. Тѣмъ не менѣе онъ долго не могъ исчезнуть: въ разныхъ глухихъ углахъ сербской земли, гдѣ письменное право уступало обычному, *удава* держалась въ народномъ быту еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, да и теперь кое-гдѣ держится, какъ это видно изъ сборника обычнаго права Богишича [1]).

[1]) Sbornik Sadašnjih pravnih običaja u Južnih Slavena, u Zagrebu. 1874.

Внѣшней политической исторіи сербскаго народа посвящены двѣ новѣйшія работы г. Новаковича вышедшія, почти одновременно въ 1893 году. Въ одной меньшей *„Струмска област у XIV веку и цар Стефан Душан“* разсматривается спеціальный вопросъ о юго-восточной границѣ Душанова царства. Рѣчь идетъ о сѣрской области, которая вошла въ составъ Сербскаго государства послѣ завоеванія Сѣра въ сентябрѣ 1345 г., какъ это выяснено въ нашемъ сочиненіи „Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV в.“ Г. Новаковичъ старается опредѣлить точнѣе размѣры сѣрской области и время утвержденія въ ней сербскаго владычества. Для этой цѣли ему служатъ изданныя частью Саоой и Миклошичемъ, частью нами грамоты Меникейскаго мон. Іоанна Предтечи близъ Сѣра. Выяснивъ значеніе упоминаемыхъ въ этихъ грамотахъ мѣстныхъ названій (Струма, Красово, Пополь (Амфиполь) Христополь, Мосинополь, Волеръ), авторъ приходитъ къ заключенію, что сѣрская область обнимала всю среднюю и нижнюю долину Струмы вмѣсто съ сѣрскимъ полемъ и Приморьемъ на Орфанскомъ или Рендинскомъ заливѣ, все теченье Месты съ приморьемъ на югъ отъ Драмы и около Христополя, приморскую область около Ксанѳіи и Мосинополя и страну между правымъ берегомъ Марицы, Мосинополемъ и моремъ до южныхъ границъ Дидимотичкой области. Это опредѣленіе границъ крайней юго-восточной области сербскаго царства, конечно, нужно считать только приблизительнымъ, но и за него нужно быть благодарнымъ автору. Что касается стремленія его точнѣе выяснить время присоединенія къ монархіи Душана всей сѣрской области, то оно едвали увѣнчалось успѣхомъ. Относящіяся сюда соображенія автора не даютъ ничего новаго. Изъ нихъ вытекаетъ только то, что мы знали раньше, именно, что вся область перешла въ руки Душана *вскорѣ* послѣ паденія Сѣра, т. е. въ 1845—1846 г. Занятіе главнаго города означало и покореніе всей области. Не вполнѣ обоснованнымъ представляется намъ пріурочиванье паденія Сѣра ко времени тотчасъ послѣ 26 октября. Въ нашемъ сочиненіи объ образованіи Сербскаго царства мы предположили, что занятіе Сѣра произошло нѣсколько раньше, въ августѣ и сентябрѣ. Между прочимъ мы сослались на письмо Душана къ венеціанскому дожу отъ 18 октября 1346 г., помѣченное Сѣромъ, которое ясно свидѣтельствуетъ, что Сѣръ палъ раньше 26 октября. Г. Новаковитъ находитъ, что мы преувеличили значеніе этого письма, такъ какъ оно

сохранилось не въ подлинникѣ, а въ копіи. Съ такимъ замѣчаніемъ почтеннаго автора мы, однако, не можемъ согласиться, такъ какъ данный документъ не внушаетъ никакихъ подозрѣній и нѣтъ основанія предполагать, что копія не точно воспроизводитъ подлинникъ. Еслибъ устранить изъ числа историческихъ свидѣтельствъ памятники, которые сохранились только въ копіяхъ, то пришлось бы, желая быть послѣдовательнымъ, отказаться отъ пользованія всѣми монпкейскими актами, которые, однако, были для автора главнѣйшимъ матеріаломъ при составленіи настоящей работы. Такимъ образомъ относительно взятія Сѣра мы остаемся при прежнемъ нашемъ мнѣніи.

Совсѣмъ иного характера большая книга г. Новаковича „*Срби и Турци XIV и XV века*“. Написанная для широкой публики, она трактуетъ общій и живой вопросъ о борьбѣ сербовъ съ турками въ XIV и XV ст., т. е. до Косовской битвы и послѣ нея. Это превосходная историческая монографія, разъясняющая въ художественномъ изложеніи, съ полною ясностью и знаніемъ дѣла замѣчательнѣйшую эпоху въ судьбѣ сербскаго народа. Завоеваніе Балканскаго полуострова турками и порабощеніе ими обитающихъ здѣсь славянъ, грековъ, албанцевъ и румынъ составляетъ величайшее богатое послѣдствіями событіе европейской исторіи. Въ кровавой драмѣ, разыгрывавшейся на славянскомъ юго-востокѣ въ XIV и XV ст. сербамъ пришлось играть выдающуюся роль. Они первые изъ балканскихъ славянъ начали тяжелую борьбу со страшными врагами за политическую самостоятельность и христіанскую вѣру и послѣдніе пали въ этой неравной борьбѣ. Трагизмъ въ положеніи сербскаго народа обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что именно въ XIV ст., въ ту пору когда создавалось и окрѣпало Османское государство и начались набѣги турокъ—османовъ на Балканскій полуостровъ, возрастало и могущество сербскаго государства. Въ эпоху правленія Стефана Душана (1331—1355) образованное имъ сербское царство было первой державой на полуостровѣ. Предводимые своимъ энергичнымъ вождемъ сербы двигались все дальше на Востокъ и мечтали о завоеваніи Цареграда. Передъ Душаномъ носился планъ соединенія Византійской имперіи и Сербіей и основанія единаго греко-сербскаго царства. Казалось, для южныхъ славянъ, во главѣ съ сербами открывалась возможность упрочить свое самостоятельное политическое существованіе на полуостровѣ. Но не суждено было осуществиться этимъ чаяніямъ и стремлені-

ямъ, не суждено было упрочиться этому славянскому царству. Не прошло и сорока лѣтъ послѣ смерти Душана какъ отъ обширной его монархіи не осталось и слѣда. Причины крушенія ея лежали не только въ появленіи турокъ и ихъ завоеваніяхъ, но и въ другихъ обстоятельствахъ, какъ это мы старались разъяснить въ нашихъ работахъ по исторіи Сербіи, именно въ печальномъ внутреннемъ состояніи южно-славянскихъ земель въ XIV ст. и во враждебныхъ отношеніяхъ міра западнаго, романо-германскаго къ восточному греко-славянскому. Тѣмъ не мѣнѣе все же нужно признать, что турки—османы поставили значительныя препятствія дальнѣйшему усиленію Сербскаго государства, выступили сами съ притязаніемъ на обладаніе Цареградомъ, Византійской имперіей и всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ, и осуществили свои стремленія съ полнымъ успѣхомъ. Они какъ бы перебили у сербовъ выполненіе поставленной ими широкой, но непосильной политической задачи.

Такимъ образомъ историческій интересъ этой эпохи въ значительной степени заключается во взаимныхъ отношеніяхъ сербовъ и турокъ. Ст. Новаковичу эти отношенія представляются въ видѣ соперничества двухъ народовъ за господство на Балканскомъ полуостровѣ. Занимаясь изученіемъ судебъ роднаго народа, онъ задался цѣлью пополнить существующую историческую литературу о паденіи самостоятельности сербскаго народа и завоеваніи сербскихъ земель турками такимъ сочиненіемъ, въ которомъ, рельефно, въ цѣльной картинѣ „были бы выставлены событія, составляющія главные моменты въ возникновеніи и послѣдующемъ развитіи историческаго соперничества и борьбы двухъ народовъ“. Выполненію этой задачи посвящена данная книга, изданная Чупичевой задушбиной.

Все сочиненіе, по замѣчанію автора, распадается на двѣ половины. Въ первой, послѣ общаго очерка развитія сербскаго и турецкаго государства въ XIII и первой половинѣ XIV в., излагаются событія, которыя впервые привели турокъ изъ Малой Азіи на Балканскій полуостровъ и дали поводъ сербамъ еще при Милутинѣ помѣряться оружіемъ съ будущими завоевателями въ предѣлахъ Малой

---

[1]) Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV в. Спб. 1882. Политическая и культурная борьба на греко-славянскомъ востокѣ въ XIV в. 1884. Въ память пяти сотлѣтія Косовской битвы. Унив. Изв. 1889. Памятники Законодательной дѣятельности Душана. К. 1888. Введеніе.

Азіи. Тогда, въ началѣ XIV в., турецкая гроза едва виднѣлась вдали и никто еще не догадывался, чѣмъ и какъ она разразится. Между тѣмъ непрерывныя ссоры и раздоры между христіанами Балканскаго полуострова не могли содѣйствовать возрастанію могущества христіанскихъ государствъ. Напротивъ настойчивость и неуклонная послѣдовательность турокъ въ осуществленіи ихъ стремленія овладѣть Балканскимъ полуостровомъ, при отсутствіи единодушія среди христіанъ, естественно должны были увѣнчаться успѣхомъ. Турки проникли на полуостровъ, захватили себѣ прочныя позиціи и вступили въ борьбу съ его обитателями, прежде всего со славянами. Борьба эта началась роковымъ столкновеніемъ сербовъ и турокъ на Марицѣ въ 1371 г.; послѣдствіемъ этого боя была потеря самостоятельности южными областями прежняго сербскаго царства. Тутъ оканчивается первая половина книги. Марицкая битва повлекла за собой знаменитую Косовскую битву, съ которой кончилась самостоятельность и сѣверной части сербскаго царства. На разсмотрѣніи этого главнѣйшаго эпизода въ борьбѣ сербовъ съ турками авторъ не останавливается на томъ основаніи что о Косовской битвѣ уже много писано по случаю недавно исполнившейся ея пятисотой годовщины (1889). Во второй части онъ излагаетъ политическое положеніе сербскихъ земель и отношенія сербовъ къ туркамъ за время отъ Косовской битвы до 1414 г. Передъ читателемъ проходитъ рядъ мастерски написанныхъ картинъ, въ которыхъ изображаются споры за власть между дѣтьми князя Лазаря съ одной стороны и Вукомъ Бранковичемъ и его сыновьями съ другой, общія внутреннія неурядицы въ сербскихъ земляхъ, а также находчивость и тактика турокъ въ пользованіи всѣми этими обстоятельствами для усиленія своего владычества на полуостровѣ. Въ 1402 г., вслѣдствіе разгрома турецкаго государства въ Азіи Тамерланомъ (битва при Ангорѣ) на время поколебалась политическая сила турокъ. Для славянскихъ властителей открывалась возможность сплотиться и принять мѣры для устраненія грозной опасности. Но вслѣдствіе своихъ раздоровъ они не съумѣли воспользоваться этимъ благопріятнымъ моментомъ; а турки между тѣмъ опять успѣли собраться съ силами. Теперь для южныхъ славянъ окончательно выяснилось, что собственными средствами они не въ состояніи помѣшать распространенію турецкаго владычества на славянскомъ югѣ. Отсюда возникаетъ мысль о помощи со стороны Запада. Впервые за осуществленіе этой мысли берется дес-

потъ Юрій Бранковичъ. Такъ начинается новый періодъ въ исторіи сербо-турецкихъ отношеній, изображеніе котораго уже не входитъ въ планъ настоящей работы автора.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе большого историческаго труда Новаковича Относительно разработки поставленной авторомъ задачи нужно замѣтить, что при всѣхъ своихъ выдающихся достоинствахъ она вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія и возраженія. Авторъ изучилъ литературу предмета и умѣло воспользовался общими сочиненіями и частными монографіями по исторіи греко-славянскаго востока и турецкой имперіи какъ для уясненія частностей и подробностей поставленнаго имъ вопроса, такъ и для освѣщенія общей исторической перспективы изучаемаго періода, именно обстоятельствъ возвышенія и разложенія сербскаго государства, постепеннаго паденія Византійской монархіи и возростанія силы Османовъ. Но за всѣмъ тѣмъ онъ самъ произвелъ рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій съ цѣлью пролить свѣтъ на недостаточно разъясненныя событія и стороны сербской исторіи XIV и начала XV ст. Сюда относятся: страницы его труда, посвященныя вопросу о первомъ столкновеніи сербовъ съ турками въ Малой Азіи въ началѣ XIV в., въ правленіе короля Милутина; разъясненіе обстоятельствъ примиренія сербской церкви съ цареградской въ правленіе Углеши; описаніе Марицкой битвы 1371 г. и бо́льшая доля второй части книги, заключающей въ себѣ впервые составленное по источникамъ точное воспроизведеніе событій сербской исторіи отъ Косовской битвы до 1414 г. За всѣ эти частныя разысканія нельзя не быть благодарнымъ автору: они только увеличиваютъ значеніе книги, которая независимо отъ разъясненія общаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ сербовъ и турокъ представляетъ важный вкладъ въ детальную фактическую разработку исторіи сербскаго народа въ концѣ XIV и началѣ XV ст. Къ сожалѣнію стремленіе пополнить существующіе въ литературѣ пробѣлы въ свѣдѣніяхъ объ изображаемомъ періодѣ помѣшало г. Новаковичу выполнить намѣченный въ предисловіи планъ изложенія. Задуманная имъ картина развитія взаимныхъ отношеній и столкновеній сербовъ и турокъ не получила настоящей цѣльности и законченности вслѣдствіе исключенія изъ нея важнѣйшаго момента этой борьбы—Косовской битвы. Авторъ объясняетъ это исключеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что о Косовской битвѣ въ послѣднее время было много писано: ему какъ бы хотѣлось сосредо-

точиться на событіяхъ и явленіяхъ, которыя пока еще не привлекали къ себѣ въ достаточной степени вниманіе историковъ. Но такое объясненіе не можетъ удовлетворить читателя. Во-первыхъ Косовская битва, не смотря на существованіе относящейся къ ней значительной литературы, все еще представляетъ достаточное количество спорныхъ вопросовъ, разсмотрѣніе которыхъ было бы вполнѣ умѣстно въ данномъ сочиненіи: желательно было бы найти въ немъ сведеніе итоговъ новѣйшаго изученія этихъ вопросовъ и сужденіе о нихъ такого знатока сербской исторіи какъ г. Новаковичъ. Во вторыхъ полное устраненіе изъ исторической монографіи о борьбѣ сербовъ съ турками повѣствованія о замѣчательнѣйшемъ эпизодѣ этой борьбы, какимъ безусловно признается Косовская битва, неизбѣжно создаетъ замѣтный пробѣлъ въ стройности изложенія работы и мѣшаетъ вполнѣ ясному и отчетливому представленію объ изслѣдуемой исторической эпохѣ. Между тѣмъ именно эту цѣльность, отчетливость, рельефность изображенія имѣлъ въ виду самъ авторъ, принимаясь за свой трудъ.

Нѣкоторая неполнота въ историческомъ разсказѣ г. Новаковича, вообще весьма обстоятельномъ, живомъ и занимательномъ, обусловлена еще однимъ недочетомъ. Для освѣщенія взаимныхъ отношеній сербовъ и турокъ въ XIV—XV ст. авторъ нашелъ умѣстнымъ коснуться болѣе или менѣе подробно положенія Византіи и ея отношеній къ обоимъ соперничавшимъ народамъ, что, конечно, было вполнѣ необходимо; но онъ мало обратилъ вниманія на взаимныя отношенія славянскихъ народовъ и государствъ Балканскаго полуострова и на участіе другихъ народовъ полуострова, кромѣ сербовъ, въ борьбѣ съ турками. О болгарахъ и болгарскомъ царствѣ Новаковичъ дѣлаетъ лишь мимоходомъ нѣсколько краткихъ замѣчаній и подробнѣе останавливается только на вопросѣ о выходѣ замужъ за султана Мурата сестры Шишмана—Ѳамари. Между тѣмъ болгары и въ эпоху Душана, и въ концѣ XIV в. также принимали участіе въ великихъ событіяхъ, совершавшихся на Балканскомъ полуостровѣ; на ряду съ сербами они страдали отъ турецкихъ нашествій, сталкивались съ восточными завоевателями и заботились объ организаціи борьбы съ ними. Такъ въ началѣ 1353., болгарскій отрядъ вмѣстѣ съ сербскимъ выступаетъ къ Димотикѣ для отраженія турокъ, присланныхъ Османомъ на помощь Кантакузину. Правда во время битвы, разыгравшейся на берегу Марицы, болгары преждевременно обратились въ бѣгство и сербы, пред-

водительствуемые Каснецомъ Бориловичемъ, были разбиты на голову, тѣмъ не менѣе участіе болгаръ въ этой экспедиціи противъ турокъ представляетъ любопытный фактъ, заслуживавшій изложенія и объясненія. Нашъ авторъ упоминаетъ (110 стр.) о немъ глухо въ двухъ строкахъ и даже не передаетъ любопытныхъ подробностей о самой битвѣ, сообщаемыхъ византійскими историками. Между тѣмъ эта битва имѣла важное значеніе въ исторіи послѣднихъ лѣтъ политической дѣятельности царя Душана [1]). Кстати указать, что онъ совсѣмъ умалчиваетъ о другой, болѣе ранней встрѣчѣ сербовъ съ турками, происшедшей въ 1344 г. близъ Стефаніаны, также окончившейся пораженіемъ сербскаго отряда. Относящееся сюда византійское свидѣтельство (Cantac. III. c. 89. Bonn. Ed. p. 548) знакомитъ съ любопытными подробностями о военныхъ пріемахъ и хитростяхъ турокъ [2]) и потому уже заслуживало вниманія автора. Не нашли мы въ книгѣ г. Новаковича даже краткаго упоминанія о покореніи турками болгарскаго царства, событіи, которое не могло остаться безслѣднымъ и для сербскихъ земель. Совсѣмъ нѣтъ въ ней рѣчи о Босніи и боснякахъ если не считать пересказа лѣтописныхъ извѣстій о вторженіи турокъ въ Боснію въ 1398 г. Между тѣмъ въ концѣ XIV в. былъ моментъ, когда Босния занимала выдающееся политическое положеніе на полуостровѣ; ея государь въ лицѣ Короля Твердка I былъ занятъ мыслью ооъ организаціи союза для борьбы съ турками. Вопросъ о возвышеніи Босніи, о широкой политической программѣ Твердка, его вѣнчаніи сербской короной Неманичей, и отношеніяхъ къ князю Лазарю, объ участіи Босняковъ въ Косовской битвѣ, о дальнѣйшей судьбѣ Босніи и отношеніяхъ ея властителей къ туркамъ—всѣ эти вопросы поставлены и большею частью разъяснены въ двухъ работахъ замѣчательнѣйшаго, нынѣ покойнаго, юго-славянскаго ученаго Рачкаго [3]) и едва ли удобно было оставлять ихъ безъ обсужденія или изложенія въ данномъ трудѣ. Наконецъ, мы думаемъ, что сочиненіе г. Новаковича только выиграло бы, еслибъ нѣсколько страницъ въ немъ было удѣлено характеристикѣ от-

---

[1]) См. наше изслѣдованіе Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV в. Спб. 1882 II 195—198.

[2]) Тамъ же 98—99.

[3]) Pokret na slovenskom jugu koncem XIV a početkom XV v. Rad. jugosl. Akad. Кн. III—IV. 2 Boj na Kosovu Uzroci i posljedice. Rad. jugosl Ak. Кн. XCVII.

ношеній міра западнаго (Угріи, Венеціи, Папы и пр.) къ положенію дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ въ данный періодъ. Отношенія эти выражались въ открытомъ проявленіи чувства ненависти и вражды къ греко-славянскому міру, въ заявленіи притязаній на обладаніе Цареградомъ и политическое господство на всемъ полуостровѣ, въ заключеніи предосудительныхъ соглашеній и союзовъ съ турками. Всѣ эти обстоятельства, конечно, только могли облегчить туркамъ ихъ завоеванія на полуостровѣ и ускоряли неизбѣжность страшной катастрофы [1]).

Общія сужденія и заключенія автора, основанныя на внимательномъ изученіи подлежавшихъ рѣшенію вопросовъ, отличаются вѣрностью и объективностью. Съ его взглядами въ большинствѣ случаевъ нельзя не согласиться. Онъ не закрываетъ глаза передъ темными сторонами сербской исторіи XIV—XV ст, и правдиво раскрываетъ пестроенія, внутреннія смуты и раздоры въ сербскихъ земляхъ. Не видно у него, въ противоположность нѣкоторымъ сербскимъ историкамъ патріотамъ, стремленія безъ мѣры идеализировать царя Душана и его эпоху; сужденія его объ этомъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательномъ, государѣ отличаются трезвостью и основательностью. Признавая за нимъ сильный умъ и большія заслуги для своего народа онъ не считаетъ, однако, его политическую дѣятельность особенно дальновидной (112 стр). При всемъ томъ при изображеніи времени Душана у г. Новаковича бросается въ глаза замалчиваніе одного факта, весьма важнаго какъ для правильной характеристики личности сербскаго царя, такъ для яснаго пониманія данной эпохи. Дѣло касается сношеній Душана съ турецкимъ султаномъ Орханомъ и предложенія послѣднему въ замужество дочери Душана. Относящееся сюда свидѣтельство византійскаго историка Григоры, (XXVI. с. 34), едва ли подлежащее какому либо сомнѣнію, было разобрано мною еще въ 1882 г. [2]). Изъ него явствуетъ, что и Душанъ, подобно ексъ-императору І. Кантакузину, или венеціанскому дожу не брезгалъ союзомъ съ турками въ видахъ своей узко-эгоистической политики и, слѣдовательно, отнюдь не былъ какимъ то сознательно убѣжденнымъ борцемъ противъ ислама и защитникомъ православно-христіанскаго міра, какъ любятъ его представлять сербскіе историки. Акад. Новаковичъ совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ

[1]) См. наши выше указанныя сочиненія.

[2]) Южные Славяне и Византія II 190—193.

фактѣ, хотя у него былъ прямой поводъ коснуться его, не только при общемъ разборѣ вопроса о вмѣшательствѣ турокъ въ ссоры и раздоры христіанскихъ государей полуострова, но и въ частной главѣ, посвященной изложенію имѣющихся въ источникахъ данныхъ объ отдачѣ дочерей и сестеръ христіанскихъ государей въ жены турецкимъ султанамъ. Причины такого умолчанія почтеннаго автора намъ не ясны. Если разсказъ такого достовѣрнаго историка, какъ Григора, казался ему почему-либо подозрительнымъ, то слѣдовало подвергнуть его критическому разбору. Простое же, немотивированное опущеніе этого факта, въ виду сдѣланнаго въ литературѣ указанія на его значеніе, едва ли можетъ быть признано правильнымъ.

Всѣ сдѣланныя нами замѣчанія отнюдь не умаляютъ основныхъ достоинствъ книги г. Новаковича. Она читается съ живымъ интересомъ и заслуживаетъ широкаго распространенія въ наше время, когда по справедливому замѣчанію автора въ положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ представляется такъ много сходнаго съ тѣмъ, что было въ XIV—XV в.

Изученіе памятниковъ старинной литературы въ связи съ народными преданіями составляетъ излюбленную область занятій Ст. Новаковича. Къ этой области относится его новѣйшее изслѣдованіе „*Први основи словенске књижевности међу Балканским Словенима. Легенда о. Владиміру и Косари*“,—вышедшее въ свѣтъ въ томъ же 1893 г., какъ и разобранная выше книга о борьбѣ сербовъ съ турками. Здѣсь авторъ занимается главнѣйше двумя вопросами; одинъ изъ нихъ общаго характера—о возникновеніи славянской письменности въ предѣлахъ Болгарскаго царства и о первомъ распространеніи ея въ сербскихъ земляхъ; другой, болѣе частный—разборъ легенды о Владимірѣ и Косарѣ, занесенной въ извѣстную латинскую хронику Дуклянскаго священника (XII в.) и разсматриваемой авторомъ какъ первое оригинальное произведеніе духовной жизни сербскаго народа. Изслѣдованіе обоихъ вопросовъ ведется съ обычною у г. Новаковича глубиною, изобилуетъ тонкими соображеніями и обставлено цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ гипотезъ и положительныхъ выводовъ, которые не могутъ не привлекать къ себѣ самаго живаго вниманія читателя.

При изученіи вопроса о началѣ славянской письменности на Балканскомъ полуостровѣ авторъ поставилъ ближайшею своей задачей опредѣлить, гдѣ именно въ предѣлахъ Болгарскаго царства возникъ пер-

вый разсадникъ славянской письменности и какимъ путемъ славянская книга проникла въ сербскія земли. Въ общихъ чертахъ рѣшеніе первой половины этой задачи давно указано наукой. Первый очагъ славянской письменности на полуостровѣ находился въ западной Македоніи, въ окрестностяхъ Охридскаго озера; здѣсь жилъ, святительствовалъ, основывалъ школы, писалъ свои труды и распространялъ славянскія книги знаменитый Климентъ, епископъ Велицкій, ближайшій ученикъ и сотрудникъ св. Меѳодія, бѣжавшій вмѣстѣ съ другими учениками св. славянскихъ первоучителей изъ Велико-Моравскаго княжества и нашедшій себѣ пріютъ и покровительство въ Болгаріи у князя Бориса и царя Симеона. Нашъ авторъ выясняетъ этотъ общеизвѣстный фактъ въ подробностяхъ, при чемъ старается освѣтить его съ болѣе широкой историко-этнографической и культурной точки зрѣнія. Съ этою цѣлью онъ подробно разбираетъ относящіеся къ вопросу источники, главнѣйше легенду о св. Климентѣ, и производитъ цѣлый рядъ разысканій въ области исторической географіи, этнографіи и славянской діалектологіи. Матеріалъ, съ которымъ ему приходится имѣть дѣло, уже не новъ, онъ былъ извѣстенъ предшествующимъ изслѣдователямъ, но авторъ съумѣлъ найти въ немъ данныя для разъясненія нѣкоторыхъ частностей, а главное для построенія новыхъ предположеній и широкихъ обобщеній. Впрочемъ, при этомъ дѣло не обошлось безъ увлеченій и слишкомъ смѣлыхъ гипотезъ. Наиболѣе цѣнны соображенія г. Новаковича относительно предѣловъ области, въ которой дѣйствовалъ св. Климентъ. Онъ обозначаетъ ихъ линіями: отъ Охриды на юго-западъ къ Берату и Валонѣ и на югъ къ Коницу—Главеницѣ. Къ такому выводу авторъ пришелъ послѣ тщательнаго опредѣленія значенія мѣстныхъ названій, встрѣчающихся въ легендѣ о св. Климентѣ, (Котокіопъ, Кутмичивица, Деволъ, Главеница, Охридъ, Дремвица или Велица), при чемъ доказалъ, что епархія Климента находилась отнюдь не въ Струмицѣ, какъ думаютъ пр. Голубинскій и другіе, а на юго-западъ отъ Охриды, въ предѣлахъ южной Албаніи и сѣвернаго Епира. Здѣсь же нужно искать и жупу Кутмичивицу, въ которой началась славная дѣятельность перваго южно-славянскаго писателя. Указать точно, гдѣ именно находилась епископская каѳедра Климента г. Новаковичъ не считаетъ возможнымъ, но полагаетъ, что по всей вѣроятности ее нужно помѣщать въ Дримпольѣ или въ окрестностяхъ Аргирокастра на Дримѣ. Авторъ, на

ряду съ К. Иречкомъ и П. Матковичемъ принадлежитъ къ лучшимъ знатокамъ исторической географіи Балканскаго полуострова: приведенныя соображенія его, обставленныя строго научными данными, едва ли могутъ быть оспариваемы.

Иного значенія мнѣніе автора по вопросамъ исторической этнографіи, которымъ онъ отводитъ значительное мѣсто въ своей книгѣ. Едва-ли всѣ его сужденія, относящіяся къ этой области можно признать достаточно обоснованными. Нельзя не согласиться съ авторомъ, когда онъ утверждаетъ что страна на юго-западъ отъ Охридскаго озера, въ предѣлахъ которой жилъ и трудился св. Климентъ, въ IX—X ст. была сплошь заселена славянами. Иначе приходится отнестись къ мнѣнію г. Новаковича объ этнографическихъ особенностяхъ этихъ славянъ. По его мнѣнію это были не сербы и не болгары, а *словене*, представители племени, поселившагося на Балканскомъ полуостровѣ еще до прихода сербо-хорватовъ и туранскихъ болгаръ, еще не успѣвшіе, подобно другимъ славянамъ слиться въ одну народность ни съ сербами, ни съ болгарами. Въ этнографическомъ отношеніи и по языку они по словамъ автора близко подходили къ славянамъ моравскимъ и паннонскимъ т. е. къ тѣмъ славянамъ, языхъ которыхъ лежитъ въ основѣ книжнаго старославянскаго языка, созданнаго трудами Кирилла и Меѳодія. Близкое родство старославянскаго языка съ языкомъ албано-эпирскихъ славянъ доказывается существованіемъ въ послѣднемъ такихъ характерныхъ діалектическихъ примѣтъ какъ носовые гласные и *жд*, *шч* (вм. *dj*, *tj*). Съ этой этнографической точки зрѣнія объясняется и занимающій автора фактъ перенесенія славянской письменности изъ Моравіи на Балканскій полуостровъ, именно въ албано-эпирскіе предѣлы. Св. Климентъ стремился въ ту область, гдѣ раздавалась наиболѣе близкая ему рѣчь, къ которой онъ привыкъ въ Моравіи и Панноніи, и которая ближе подходила къ усвоенному имъ книжному языку. Здѣсь, на юго-западъ отъ Охриды, этотъ книжный языкъ сохранялся въ наиболѣе чистомъ видѣ, не подвергаясь діалектическимъ вліяніямъ ни сербскаго, ни болгарскаго языковъ. Здѣсь же дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, держалась древнѣйшая форма письменности, принесенная изъ Моравіи, т. е. глаголица; кириллица же создана уже на Балканскомъ полуостровѣ подъ сильнымъ греческимъ вліяніемъ и получила окончательное господство въ письменности только послѣ паденія Болгарскаго царства (1019).

Къ этому мы могли бы добавить, что съ указанной точки зрѣнія г. Новаковича, просто рѣшается спорный вопросъ о родинѣ старославянскаго языка; паннонская и болгарская (собств. македоно-болгарская) теоріи у него совершенно примиряются: старо-славянскій языкъ оказывается одинаково близкимъ къ языкамъ и паннono-моравскихъ славянъ и албано-эпирскихъ (македоно-болгарскихъ). Для придания большаго вѣса своимъ оригинальнымъ воззрѣніямъ авторъ посвящаетъ цѣлую главу характеристикѣ этнографическаго состоянія Балканскаго полуострова въ X ст. Здѣсь, на ряду съ многими вѣрными замѣчаніями, развивается слѣдующее, вызывающее недоумѣніе положеніе: въ концѣ IX вѣка, когда св. Климентъ переселялся изъ Моравіи на Балканскій полуостровъ, здѣсь еще не было *нынѣшнихъ славянскихъ болгаръ*; мѣсто ихъ занимали различныя славянскія племена, быть можетъ отличавшіяся между собой по языку гораздо болѣе, чѣмъ мы думаемъ; племена эти только впослѣдствіи претворились частью въ славянскихъ болгаръ, частью (на западѣ) въ сербовъ.

Всѣ эти своеобразныя мнѣнія автора несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ его значительномъ остроуміи и горячемъ желаніи разъяснить темные и запутанные вопросы южно-славянской старины; но, кажется, они скорѣе возбуждаютъ и оживляютъ вниманіе къ этимъ вопросамъ, чѣмъ облегчаютъ путь къ ихъ рѣшенію. По нашему мнѣнію, указанныя обобщенія г. Новаковича не опираются на строго научныхъ данныхъ и слишкомъ гипотетичны. Обстоятельный разборъ ихъ вывелъ бы насъ далеко за предѣлы настоящей краткой статьи. Ограничимся лишь немногими замѣчаніями. Прежде всего вызываетъ возраженіе утвержденіе автора о существованіи на Балканскомъ полуостровѣ въ концѣ IX в., 1, туранскихъ болгаръ, какъ особой народности, еще не слившейся съ покорепными ею славянами и 2, какой-то особой славянской народности, отличавшейся отъ сербовъ и настоящихъ (т. е. ославянепныхъ) болгаръ и напротивъ близкой по языку къ паннono-моравскимъ славянамъ. Такое утвержденіе основывается на неправильномъ толкованіи нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ (неславянскія имена болгарскихъ князей, извѣстія о неславянскихъ обычаяхъ въ отвѣтахъ папы Николая I на вопросы Бориса и пр.), которыя другими учеными (Гильфердингъ, К. Пречекъ, М. Соколовъ) проще и вѣрнѣе объясняются какъ немногочисленные остатки или слѣды завоеванія

славянъ туранскими болгарами. Еслибъ допустить, что еще въ концѣ IX ст. въ восточной половинѣ Балканскаго полуострова стояли другъ противъ друга два рѣзко-несходныхъ между собою народа—„Словене“ и туранскіе болгары, то станетъ непонятнымъ національное единство болгаръ какъ славянской народности, рѣзко выступающее въ царствованіи Симеона; непонятно будетъ и развитіе въ эту эпоху славянской письменности и просвѣщенія, принятыхъ подъ покровительство самимъ царемъ. Трудно допустить этотъ дуализмъ и для времени предшественника Симеона, князя Бориса, который будучи неславянскимъ болгариномъ, не могъ бы отнестись съ такимъ сердечнымъ участіемъ къ Клименту и его дѣлу, какъ объ этомъ повѣствуетъ легенда о св. Климентѣ. Правда г. Новаковичъ толкуетъ дѣятельность Бориса въ смыслѣ своей теоріи и приписываетъ ему недовѣріе къ Св. Клименту и нерасположеніе къ славянской письменности, но въ этомъ случаѣ онъ вполнѣ расходится со своимъ источникомъ, показанія котораго едва ли могутъ быть заподозрѣны въ недостовѣрности Очевидно нашъ авторъ преувеличиваетъ значеніе тюркскаго элемента въ болгарской народности и неправильно представляетъ себѣ процессъ образованія послѣдней. На основаніи историческихъ свидѣтельствъ нужно заключать что орда Аспаруха, покорившая славянскія племена въ Мизіи, не отличалась численностью. Вліяніе ея на славянъ Балканскаго полуострова выразилось главнымъ образомъ во внѣшнемъ политическомъ соединеніи розрозненныхъ племенъ и очень мало въ измѣненіи этнографическихъ элементовъ этихъ племенъ. Будь вліяніе туранскихъ болгаръ сколько нибудь значительно въ этнографическомъ отношеніи, оно отразилось бы въ современномъ болгарскомъ языкѣ, который, однако, почти не представляетъ тюркскихъ элементовъ. По нашему мнѣнію образованіе болгарской народности какъ особаго славянскаго этнографическаго типа очень мало зависѣло отъ пришлаго тюркскаго элемента и обусловлено было взаимодѣйствіемъ тѣхъ же однородныхъ факторовъ, которые дѣйствовали при образованіи другихъ славянскихъ народностей, напр. сербо-хорватской, словинской и т. п.; факторами этими были: извѣстныя черты индивидуализаціи, вынесенныя отдѣльными славянскими племенами изъ общей родины, вліяніе туземныхъ этнографическихъ элементовъ, мѣстныя географическія и историческія условія. Въ IX—X ст. опредѣлились всѣ главнѣйшіе типы существующихъ и по нынѣ славянскихъ народностей съ ихъ характерными язы-

ками. Опредѣлился и типъ болгарскій и сербо-хорватскій. Предположеніе о существованіи между сербо-хорватами и болгарами какихъ-то „словенъ", близкихъ по языку къ „паннопо-моравскимъ [1]) словенамъ" не имѣетъ за собой никакихъ данныхъ ни въ историческихъ свидѣтельствахъ, ни въ исторической діалектологіи, насколько они извѣстны въ настоящее время. Сдѣланное авторомъ сближеніе современныхъ западно-македонскихъ говоровъ не только со старо-славянскимъ языкомъ но и съ нарѣчіемъ „паннопо-моравскихъ славянъ" представляется намъ непонятнымъ и страннымъ. Оно могло бы имѣть нѣкоторое основаніе въ томъ случаѣ, еслибъ можно было допустить тожество старославянскаго языка съ „паннопо-моравскимъ нарѣчіемъ". Но развѣ это доказано? Развѣ въ IX ст. моравскіе славяне [2]) говорили или могли говорить тѣмъ языкомъ, какимъ говорили и теперь говорятъ славянскіе обитатели окрестностей Охридскаго озера?—Выставленное авторомъ какъ *несомнѣнное* (118, 142 стр.) положеніе, что кирилица изобрѣтена на Балканскомъ полуостровѣ въ X в. (при дворѣ царя Симеона) и пріобрѣла господствующее положеніе въ письменности (вм. глаголицы) только въ XI ст., представляется намъ очень сомнительнымъ и во всякомъ случаѣ требующимъ доказательствъ.

Что касается другого вопроса, поставленнаго въ данномъ сочиненіи,—о распространеніи славянской письменности въ сербскія земли и образованіи сербской редакціи старославянскаго языка, то онъ раскрытъ авторомъ съ полною обстоятельностью. И здѣсь мы видимъ многочисленныя предположенія и остроумныя соображенія автора, часто построенныя на отрывочныхъ фактахъ или даже намекахъ на факты, тѣмъ не менѣе взятыя вмѣстѣ они представляютъ гармоничное цѣлое и кажутся читателю довольно убѣдительными. Славянская грамота, по мнѣнію Новаковича, могла проникнуть въ сербскія земли съ трехъ сторонъ: непосредственно изъ Панноніи и Моравіи въ посавскія земли и Боснію, затѣмъ изъ той же Панноніи черезъ Хорватію въ приморскія области около Неретвы и, наконецъ, изъ Охриды и вообще изъ страны, гдѣ дѣйствовалъ св. Климентъ, въ Зету, Рашку и другія восточныя земли. Послѣднее направленіе было главнымъ. Зета

---

[1]) Едва ли правильно соединять эти двѣ вѣтви въ одну.

[2]) Оставляемъ въ сторонѣ паннонскихъ славянъ, о языкѣ которыхъ собственно ничего не извѣстно.

стала первымъ сербскимъ средоточіемъ славянской письменности въ X ст. и сохраняла это свое значеніе и въ XI ст.; съ перенесеніемъ центра политической жизни сербскаго народа въ Рашку, перемѣстилось туда и средоточіе духовной жизни народа.

Къ Зетскому періоду относится самое раннее оригинальное произведеніе сербскаго народнаго духа—извѣстная легенда о зетскомъ князѣ Владимірѣ и преданной женѣ его Косарѣ, жившихъ въ концѣ X ст., въ эпоху болгарскаго царя Самуила. Легенда эта, не лишенная романтическаго элемента и въ тоже время прекрасно рисующая эпоху и народныя воззрѣнія, не сохранилась въ подлинникѣ, а въ латинской передачѣ т. н. Дуклянскаго лѣтописца (XII в.), который свою хронику первоначально написалъ тоже на славянскомъ языкѣ. Но существованіе славянскаго оригинала не подлежитъ сомнѣнію; оно удостовѣрено самимъ Дуклянскимъ лѣтописцемъ, который говоритъ: „а кто хочетъ знать какія чудеса Богъ явилъ черезъ раба своего блаженнаго Владиміра, *пусть прочитаетъ книгу о его дѣлахъ* (liber gestorum ejus), въ которой дѣла его описаны по порядку“ . . . Въ русской литературѣ обратилъ вниманіе на эту легенду еще Гильфердингъ въ своей исторіи сербовъ и болгаръ [1]); онъ далъ пересказъ памятника и привелъ справки изъ византійскихъ источниковъ, подтверждающія достовѣрность разсказываемыхъ въ легендѣ событій. Новаковичъ занимается подробнымъ разборомъ легенды и посвящаетъ ему всю вторую половину своей книги. Чтобы лучше выяснить характеръ и значеніе памятника онъ разсматриваетъ древнѣйшіе образцы южно-славянской легендарной литературы—легенды объ Іоаннѣ Рыльскомъ и Іоакимѣ Сарандапорскомъ; затѣмъ даетъ въ сербскомъ переводѣ текстъ легенды и подробно разбираетъ ее со стороны содержанія и формы и слѣдитъ за ея судьбой и вообще за преданіями о Владимірѣ въ позднѣйшее время. Много старанія и труда употребилъ авторъ на изученіе изданныхъ въ XVII и XVIII ст. греческихъ житія и службы св. Владиміру [2]) и на собираніе свѣдѣній о монастырѣ св. Владиміра близъ Эльбасана и вообще на отысканіе слѣдовъ памяти о достословномъ зетскомъ князѣ въ современномъ населеніи. Вся эта часть книги г. Новаковича читается съ живымъ интересомъ и составляетъ цѣнное

---

[1]) Собраніе Сочиненій I. 215—216.

[2]) Венеціанское изданіе 1690 г., Москопольское 1741.

пріобрѣтеніе въ области изученія южно-славянскихъ книжно-народныхъ сказаній.

Послѣдняя (изъ означенныхъ въ заголовкѣ статьи) работа Новаковича „*С Мораве на Вардар*“ посвящена описанію путешествія автора въ 1886 г. изъ сербскаго Поморавья въ область Вардара. Описаніе это не только знакомитъ читателя въ прекрасной литературной формѣ съ любопытными, но еще малоизвѣстными краями Македоніи, но и представляетъ значительную научную важность. Въ немъ разсѣяно не мало цѣнныхъ историческихъ и географическихъ справокъ о видѣнныхъ авторомъ мѣстностяхъ, замѣчательныхъ въ томъ или другомъ отношеніи въ исторіи южнаго славянства. Особеннаго вниманія заслуживаютъ сообщенныя ученымъ путешественникомъ обстоятельныя свѣдѣнія о Скоплѣ, нѣкогда одномъ изъ главнѣйшихъ городовъ Македоніи, и прекрасное описаніе Вардара до Девделіи.

Цѣнность этого маленькаго этюда увеличивается находящимся при немъ любопытнымъ приложеніемъ. Это нѣсколько отрывковъ изъ рѣдкой въ настоящее время книги Кирилла Пейчиновича Тетовца „Огледало“, напечатанной въ Буда-Пештѣ въ 1816 г. Кириллъ Пейчиновичъ Тетовецъ, жившій въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія былъ игуменомъ въ монастырѣ Краля-Марка близъ Скопля и извѣстенъ тѣмъ, что писалъ проповѣди на мѣстномъ народномъ нарѣчіи. Проповѣди эти собраны въ упомянутой книгѣ „Огладало“, несомнѣнно представляющей высокій интересъ и въ литературномъ, и лингвистическомъ отношеніяхъ. Нашего автора здѣсь занимаетъ собственно языкъ памятника. О народности македонскихъ славянъ и о македонскихъ нарѣчіяхъ, какъ извѣстно, давно уже ведется споръ между сербскими и болгарскими филологами. Новаковичъ принимаетъ нѣкоторое участіе въ этомъ спорѣ, выразившееся въ изданіи изслѣдованія „Ђ и Ћ у македонским народним дијалектима“ (Глас. XII) и образцовъ народнаго языка македонскихъ славянъ (Archiv für slavische Philologie XII—XV). Желая ближе познакомить лицъ, заинтересованныхъ этихъ споромъ, съ тетовскимъ говоромъ, онъ перепечаталъ нѣсколько отрывковъ изъ „Огледала“ Пейчиновича. Народный языкъ этихъ текстовъ дѣйствительно представляетъ много любопытнаго. За напечатаніе отрывковъ нельзя не быть признательнымъ неутомимому сербскому ученому. Мы не можемъ только одобрить принятаго имъ способа переизданія памятника. Г. Новаковичъ отступилъ отъ печат-

наго оригинала, и издалъ тексты *современнымъ сербскимъ* правописаніямъ „со своей интерпункціей и разстановкой словъ". Хотя при этомъ издатель и поясняетъ, что всѣ діалектическія особенности имъ соблюдены, и что вѣрное пониманіе нарѣчія Пейчиновича возможно только послѣ сдѣланныхъ исправленій противъ перваго печатнаго изданія, мы однако, позволяемъ себѣ усомниться въ послѣднемъ и полагаемъ, что какъ бы ни были ничтожны измѣненія въ текстѣ подлинника, они не могутъ не мѣшать объективному рѣшенію спорнаго филологическаго вопроса. Примѣненіе современнаго *сербскаго* правописанія, несомнѣнно, придаетъ особый обликъ языку изданныхъ текстовъ (напр. хотя бы относительно употребленія ѣ и ђ). Г. Новаковичъ называетъ Пейчиновича „*наш* Тетовац", сопоставляетъ его съ Досиѳеемъ Обрадовичемъ и Вукомъ Караджичемъ, передаетъ его тексты современнымъ *сербскимъ* правописаніемъ и тѣмъ самымъ какъ бы признаетъ языкъ этого писателя сербскимъ. Тѣмъ не менѣе намъ *языкъ* этотъ все таки кажется скорѣе болгарскимъ, чѣмъ сербскимъ. Всѣ характерныя болгарскія примѣты въ немъ на лицо, какъ-то: отсутствіе склоненія, членъ, оконч. *т* въ 3 л. ед. и мн. ч. настоящаго времени, оконч. *ме* (*ми*) въ 1 л. мн. ч. (очень часто — рядомъ и *мо*) окон. (*х*)*а* въ 3 л. мн. ч. аориста и преход. (отидо́ба) вм. сербск. *ше*, *ху*), такія формы какъ — *см со́м прошáл* и пр. [2]). Настоящія фонетическія особенности текстовъ къ сожалѣнію замаскированы новѣйшимъ правописаніемъ.

Заканчивая настоящую краткую замѣтку о новѣйшихъ трудахъ академика Ст. Новаковича, мы не можемъ воздержаться отъ выраженія нашего глубокаго уваженія къ разносторонней и плодотворной ученой дѣятельности почтеннаго изслѣдователя сербской и вообще южнославянской старины. Разсмотрѣнныя работы его наряду со многими другими, болѣе ранними, составляютъ цѣнное достояніе ученой славянской литературы и вполнѣ заслуживаютъ вниманія и изученія [2]).

---

[1]) Ср. наши „Лекціи по славянскому языкознанію." Кіевъ 1894. стр. 176—182.

[2]) Къ сожалѣнію мы не имѣли въ рукахъ еще одного труда Ст. Новаковича по внутренней исторіи стараго сербскаго государства. Онъ носитъ заглавіе „Стара српска војска", опять составляетъ отдѣлъ изъ упомянутаго большаго сочиненія „Народъ и земља у Старој српској држави" и печатался въ журн. „Ратник" за 1893 г. Для полноты нашего обзора сообщаемъ здѣсь краткія свѣдѣнія о содержаніи этого труда на основаніи библіографической замѣтки, помѣщенной въ журн. „Византійскій временникъ" 1894 1. Работа состоитъ изъ 12 главъ; въ первыхъ четырехъ описывается военное устройство въ Римской и

2. Новые историческіе матеріалы изъ архивовъ Далмаціи.

Споменици Српски. Скупио *Константин Јиречек*. У Београду, 1892. 4° VII+117. (Споменик Српске Краљевске Академије. XI).

Профессоръ Вѣнскаго Университета, Dr. К. Иречекъ, авторъ извѣстныхъ сочиненій о Болгаріи и многочисленныхъ изслѣдованій по южно-славянской исторіи, напечаталъ въ позапрошломъ году въ Бѣлградѣ весьма цѣнный сборникъ сербскихъ грамотъ, найденныхъ имъ въ далматинскихъ архивахъ въ 1890—1891 г. Сборникъ этотъ существенно увеличиваетъ количество извѣстныхъ доселѣ источниковъ сербской исторіи въ XIV—XV вв. и составляетъ новую заслугу въ почтенной научной дѣятельности славнаго чешскаго ученаго. Изданія, подобныя настоящему, свидѣтельствуютъ, что дѣло собиранія матеріаловъ для древней исторіи южныхъ славянъ далеко еще незакончено и что въ этомъ отношеніи возможны еще значительныя открытія и находки. Большую часть изданныхъ въ сборникѣ актовъ. г. Иречекъ извлекъ изъ дубровницкихъ архивовъ, и только нѣкоторые изъ нихъ

Византійской имперіяхъ; въ V-й говорится о классахъ у сербовъ и основѣ военной и административной организаціи въ средніе вѣка; въ VI-й о королѣ, воеводахъ и знаменосцахъ; въ VII-й о войскѣ вообще и въ частности баштинномъ, проніарскомъ и наемномъ, затѣмъ о воеводѣ Момчилѣ и его войскѣ и наконецъ о военной подати; въ VIII-й—объ юнакахъ и поединкахъ, занятіяхъ и играхъ военныхъ и объ юнацкихъ коняхъ; въ IX-й—о мобилизаціи и фуражѣ, о военной музыкѣ; въ X-й—объ охранѣ и поселеніи, строеніи и исправленіи крѣпостей, осадѣ и осадномъ дѣлѣ; въ XI-й—о доспѣхахъ, объ оружіи и тактикѣ, и наконецъ въ XII-й—о военныхъ обычаяхъ и ихъ началѣ, о ратникахъ по профессіи: арбанасахъ, арматосахъ, дербенджіяхъ, хайдукахъ и ускокахъ.

Сверхъ того считаемъ умѣстнымъ упомянуть здѣсь объ одномъ древнемъ сербскомъ памятникѣ, найденномъ г. Новаковичемъ въ Константинополѣ и изданномъ съ объясненіями въ IX кн. „Споменика“ Сербской Королевской Академіи. Это дарственный хрисовулъ царя Стефана Душана Баньскому монастырю св. Стефана, въ память погребенной въ немъ матери царя кралицы Ѳеодоры. Монастырь этотъ—тотъ самый, которому былъ пожалованъ знаменитый „Свято-Стефанскій хрисовулъ“ Милутина, открытый также въ Константинополѣ (ср. нашу статью объ этомъ открытіи въ Унив., Изв. 1890 г.) Всякій новонайденный документъ, относящійся къ такой эпохѣ какъ время Душана, не можетъ не представлять уже значительнаго интереса. Указанный же памятникъ приноситъ цѣлый рядъ новыхъ данныхъ. Изъ него впервые дѣлается извѣстнымъ: 1) имя матери Душана, 2) мѣсто ея погребенія, и чувство привязанности сербскаго царя къ матери. Хрисовулъ пожалованъ вскорѣ послѣ вѣнчанія на царство и черезъ 15 лѣтъ послѣ смерти Ѳеодоры.—Въ той же книгѣ Споменика г. Новаковичъ привелъ съ своими замѣчаніями любопытныя извлеченія изъ сочиненія архим. Антонина о путешествіи его въ Македонію и изъ описанія поѣздки по сербскимъ землямъ доктора Брауна въ 1669 г.

очень немногіе найдены имъ въ Которѣ и Задрѣ. О важности дубровницкихъ архивовъ для славянской исторіи и неисчерпаемомъ богатствѣ хранящихся въ нихъ документовъ мы имѣли уже случай два раза говорить въ русской печати по поводу предпринятаго юго-славянской Академіей въ Загребѣ изданія „Monumenta Ragusina [1]). Этимъ прекраснымъ сборникамъ начато систематическое изданіе дубровницкихъ архивныхъ матеріаловъ. Къ сожалѣнію оно остановилось на второмъ томѣ, который вышелъ уже двѣнадцать лѣтъ назадъ и содержитъ въ себѣ вмѣстѣ съ первымъ томомъ только ничтожную крупицу этихъ матеріаловъ—т. н. Libri reformationum за время 1306—1366 г. Такимъ образомъ историкамъ южнаго славянства заглядывающимъ въ Дубровникъ, по прежнему открывается обильная жатва на полѣ архивныхъ розысканій. Проф. К. Иречекъ не разъ уже съ успѣхомъ занимался въ дубровницкихъ архивахъ и находилъ въ нихъ цѣнные матеріалы для своихъ спеціальныхъ изслѣдованій [2]). Происхожденіе даннаго сборника также тѣсно связано съ этими спеціальными занятіями чешскаго слависта. Подбирая матеріалъ по извѣстнымъ историческимъ вопросамъ, онъ напалъ на цѣлый рядъ важныхъ актовъ XIV—XV ст., остающихся доселѣ неизданными, и собралъ ихъ въ одно цѣлое. Большая часть ихъ заимствована не изъ бывшаго государственнаго архива Дубровника, помѣщающагося въ старомъ ректорскомъ дворцѣ, а изъ архива трибунальнаго суда, именно изъ книгъ Diversa Cancellarie, Diversa Notarie, Lamenta de foris. Въ томъ же судебномъ архивѣ оказались нѣкоторыя книги серіи Libri reformationum 1301—1362, которыя считались утраченными и потому остались недоступными издателямъ упомянутыхъ сборниковъ юго-славянской академіи. Изъ нихъ проф. Иречекъ также выписалъ нѣсколько неизвѣстныхъ доселѣ актовъ. Книги Diversa Cancellarie и Diversa Notarie уже тридцать лѣтъ назадъ были пересмотрѣны графомъ Медо Пуцичемъ, который извлекъ изъ нихъ 138 грамотъ, напечатанныхъ имъ во II т. его сборника „Српски споменици“ (Београд 1862). Но въ то время

---

[1]) См. Журналъ Министерства народн. Просвѣщенія 1881, сентябрь и Университетскія Извѣстія 1885,

[2]) Die Handelsstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien während des Mittelalters Prag. 1879. 2, Die Wlachen und Maurowlachen in den Denkmählern von Ragusa. 1879. (Sitzungsberichte d. k. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften) 3. Die Beziehungen der Ragusaner zu Serbien unter Car Uroš und König Vlcašin. Prag. 1885. Časopis musea Kralovski českého. 1886. 1. 2.

у него въ рукахъ были не всѣ книги, такъ что на долю его продолжателей осталось много новаго и цѣннаго. Такимъ образомъ сборникъ К. Иречка близко примыкаетъ къ сборнику Медо Пуцича и можетъ быть разсматриваемъ какъ дополненіе послѣдняго.

Всего въ сборникѣ 100 номеровъ актовъ, при чемъ, однако, подъ нѣкоторыми номерами стоятъ по два и три памятника, касающихся одного дѣла. Изъ нихъ только одинъ—XIII в. одинъ—XVI и четыре XVII; остальные (94) относятся къ XIV—XV ст. Только три памятника были извѣстны раньше и то два—по позднѣйшему списку или въ извлеченіи; всѣ прочіе впервые являются въ печати. По языку акты распредѣляются такимъ образомъ: 86 сербскихъ, 9 латинскихъ и 5 итальянскихъ. Большая часть ихъ—подлинники дѣловыхъ писемъ и обязательствъ, приложенные въ видѣ документовъ къ книгамъ (litterae appositae или affixae) или точныя копіи съ этихъ документовъ, внесенныя въ книги чиновниками или логофетами; затѣмъ слѣдуютъ письма самой республики, жалованныя грамоты, нотаріальныя записи, протоколы судебныхъ рѣшеній, частныя письма.

По содержанію акты касаются главнымъ образомъ финансовыхъ и торговыхъ дѣлъ республики. Въ нихъ говорится о таможняхъ (царинахъ) и торгахъ, которая Дубровчане брали въ аренду у сербскихъ и боснійскихъ властителей, объ уплатахъ производимыхъ республикой по разнымъ обязательствамъ, о разныхъ частныхъ взысканіяхъ, о мѣрахъ къ обезпеченію торговли, объ отношеніяхъ республики къ колоніямъ и пр. Значительное число актовъ относится къ тяжебнымъ и судебнымъ дѣламъ. Среди нихъ особенно любопытна одна грамота (1447 г.) о „мирењу вражде“ въ Дубровникѣ между Шумечанами и Требинянами; въ ней въ полной ясности выступаетъ оригинальная особенность этой древнѣйшей формы судебнаго процесса, съ передачей языка, какимъ говорили обѣ тяжущіяся стороны (№ 91). Нѣкоторые памятники касаются церковныхъ вопросовъ; напр. грамота папы Іоанна XXII (въ Авиньонѣ 1324 г.), подтверждающая хрисовулъ короля Милутина монастырю на о. Млетѣ, или повеля Балши объ основаніи монастыря св. Николая въ Прасквицѣ, въ землѣ Паштровичей. Есть и такіе документы, въ которыхъ затрогиваются политическія отношенія къ Турціи и Венеціи. Весьма характерны образцы частной переписки XV в. напр. два письма слугъ къ господамъ; письмо жупана Драгиши Дивначића въ Сребрницѣ къ князю Вукашину Златоносовичу въ Звоникѣ.

Многія письма и акты исходятъ отъ извѣстныхъ историческихъ лицъ или непосредственно ихъ касаются. Такъ одно письмо отъ кралицы Елены (1304 г.) два—отъ короля Стефана Милутина, три отъ Душана. Изъ послѣднихъ писемъ извлекаются нѣкоторыя новыя данныя для исторіи дѣятельности Душана. Въ іюнѣ 1347 г. сербскій царь былъ на соборѣ въ Сопотницѣ, а въ августѣ того же года прибылъ въ Призренъ освѣщать выстроенную имъ задушбину, церковь свв. архангелъ Михаила и Гавріила. Отсюда жеузнаемъ, что Авлона находилась тогда въ его власти по крайней мѣрѣ два года, т. е. съ іюля 1345 г. Въ самомъ раннемъ изъ изданныхъ документовъ (отъ 1280 г.) выступаетъ мало извѣстный представитель дома Неманичей—жупанъ Димитрій, въ старости монахъ Давидъ, сынъ князя Вука (вѣр. Вукана) потребовавшій отъ республики передъ путешествіемъ въ Іерусалимъ деньги и имущество, отданныя имъ въ Дубровникъ на сохраненіе. Изъ письма одного дубровницкаго торговца узнаемъ о войнѣ, которую въ 1359 г. велъ противъ царя Уроша братъ Душана *Симша* (Синиша). Затѣмъ весьма важны письма Балшичей, Комнина и Мркши, господарей Авлонскихъ, деспота Вука Бранковича и его вдовы Мары, княгини Милицы, деспотовъ Стефана Лазаревича и Юрія Бранковича, боснійскихъ королей Твертка I, Дабиши, Остои и Твертка II, воеводы Сандала. Наконецъ въ актахъ выступаетъ множество сербскихъ и боснійскихъ властелей, воеводъ и другихъ именитыхъ людей; напр., великаши царя Душана — Оливеръ, Богой, Богданъ, епископъ Скадерскій Петръ и др. Всѣ эти документы, какъ и прежде изданные, прекрасно освѣщаютъ огромное торговое и политическое значеніе Дубровника на Полуостровѣ въ XIV и XV ст.

Что касается изданія памятниковъ, оно выполнено строго научно и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Издатель позаботился о возможно-точномъ воспроизведеніи текстовъ съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей языка. Такимъ образомъ трудъ его важенъ не только для историка, но и для филолога: во многихъ памятникахъ проглядываютъ любопытныя особенности мѣстныхъ говоровъ. При каждомъ актѣ сообщаются всѣ указанія, какія можно было найти въ архивной книгѣ, изъ которой онъ заимствованъ. Сборнику предпослано обстоятельное предисловіе, посвященное выясненію содержанія и значенія издаваемыхъ актовъ. Здѣсь издатель предпринимаетъ нѣсколько экскурсовъ въ область вопросовъ, вызываемыхъ нѣкоторыми изъ актовъ; напр. о положеніи

Брскова, объ организаціи Дубровницкихъ колоній, о сербскихъ властителяхъ въ Албаніи и пр. Въ концѣ книги приложенъ указатель мѣстныхъ и личныхъ именъ и замѣчанія къ грамотамъ, изданнымъ къ Сборникѣ Меда Пуцича. Весьма важно указаніе пр. Пречка на то, что нѣкоторые подлинные акты, находившіеся въ книгахъ Diversa Cancellarie и Diversa Notarie во время работы гр. Медо-Пуцича, теперь уже не существуютъ.—Отсюда ясно видно, какъ необходимо спѣшить съ систематическимъ изданіемъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ дубровницкихъ архивовъ.

3. Новые матеріалы для исторіи Босніи.

Acta Bosnae, potissimum ecclesiastica cum insertis editorum documentorum regestis ab anno 925 usque ad annum 1751. Collegit et digessit *P. Eusebius Fermendžin*. Edidit Academia Scientiarum et artium Slavorum meridionalium. Zagrabiae, 1892. vi+613. (Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Vol. XXIII).

О. Евсевій Ферменджинъ, членъ ордена Францискановъ принялъ на себя весьма важное и полезное дѣло собиранія матеріаловъ для исторіи дѣятельности своего ордена въ разныхъ земляхъ Балканскаго полуострова. Въ 1887 г. Юго-славянская академія издала составленный имъ сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи миссіонерской дѣятельности о.о. Францискановъ въ Болгаріи и между прочимъ, содержащихъ въ себѣ цѣнныя данныя для уясненія внутренняго состоянія этой страны въ XVI—XVII вв. Второй сборникъ о. Фермендженна, заглавіе котораго выписано выше, посвященъ Босніи. Онъ опять изданъ Юго-славянскою академіей и по программѣ и по объему значительно обширнѣе предшествующаго; въ немъ не только помѣщены въ большомъ количествѣ новонайденные архивные матеріалы, но и сведены regesta всѣхъ извѣстныхъ доселѣ актовъ, касающихся Босніи и ея исторіи. Такимъ образомъ сборникъ этотъ имѣетъ двойное значеніе: внося много новаго въ изученіе исторіи Босніи, особенно для наиболѣе темнаго періода ея XVI—XVII в., онъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ полный сводъ фактическихъ указаній по исторіи этой южнославянской области, извлекаемыхъ изо всѣхъ преждензданныхъ актовъ. Въ томъ и другомъ отношеніи трудъ о. Фермендженна является важнымъ подспорьемъ для историка южнаго славянства.

Первая половина объемистаго тома занята почти исключительно

регестами, которыя составлены вполнѣ обстоятельно. Для древняго періода, до XV ст. о. Ферменджину не удалось найти много новаго. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ изданныхъ имъ актовъ весьма важны; таковы напр. булла папы Урбана V отъ 1368 г. о способахъ усиленія католической пропаганды среди босняковъ „еретиковъ и схизматиковъ“; 2) булла папы Григорія XI (отъ 1374 г.), подтверждающая пожалованія, сдѣланныя баномъ Твердкомъ каѳедральной церкви Петра и Павла въ Босніи, 3) документъ 1394 г. о церковныхъ правахъ Францискановъ на полуостровѣ Стонѣ и др. Нѣсколько больше новыхъ матеріаловъ относится къ XV ст.; но главная масса ихъ приходится на XVI и XVII ст. Новоизданные акты извлечены изъ самыхъ разнородныхъ архивовъ: изъ Ватиканскаго, архива Конгрегаціи de propaganda fide въ Римѣ, Берберинскаго архива въ Римѣ, архивовъ францискапскихъ монастырей въ Дубровникѣ, Терсатѣ, Gyöngyosien, библіотеки Загребской академіи наукъ и др. Большая часть ихъ, однако, падаетъ на богатѣйшій архивъ Конгрегаціи de propaganda fide. Общее число впервые здѣсь изданныхъ актовъ не меньше 400. Они представляютъ значительное разнообразіе и по внѣшней формѣ, и по языку и по содержанію. Среди нихъ встрѣчаются и буллы папъ, и предписанія конгрегаціи, и дѣловая переписка членовъ и администраціи францискапскаго ордена, и посланія мѣстныхъ славянскихъ общинъ, обращенныхъ въ католичество, и цѣлыя описанія приходовъ и епархій, составленныя въ видѣ допесеній и меморій и т. п. Бо́льшая часть актовъ писаны на итальянскомъ языкѣ, но очень много и на латинскомъ; какъ исключенія попадаются акты на сербскомъ языкѣ, притомъ писанные кириллицей; послѣдніе нерѣдко сопровождаются помѣткой, что они писаны славянами, хотя исповѣдующими католическую вѣру, но незнающими латинскаго языка.

Содержаніе актовъ бо́льшею частью имѣетъ непосредственное отношеніе къ дѣятельности о.о. Францискановъ въ Босніи. По нимъ можно прослѣдить исторію появленія ордена въ странѣ, постепеннаго роста его значенія и успѣховъ его въ принятомъ имъ на себя дѣлѣ обращенія въ католицизмъ „схизматиковъ и еретиковъ“. Въ памятникахъ рѣзко обозначаются покровительство ордену со стороны панства, заботы административныхъ лицъ ордена о возможно широкомъ распространеніи вліянія о.о. Францискановъ на церковныя дѣла въ Босніи, старанія объ открытіи новыхъ католическихъ епархій и приходовъ, объ

основаніи монастырей и пріобрѣтеніи послѣдними недвижимыхъ имуществъ и пр. Съ другой стороны въ актахъ находятся указанія на помѣхи этой энергической дѣятельности монашествующихъ; онѣ заключаются главнѣйше — въ насиліяхъ и своеволіи турокъ и оппозиціи со стороны схизматическаго населенія и высшаго представителя его цареградскаго патріарха. Главною задачей своей дѣятельности Франциканы ставили истребленіе богомильской ереси и пропаганду католичества среди православнаго населенія сербо-хорватскихъ земель. Но въ XV в. сверхъ того имъ пришлось имѣть дѣло еще съ одними еретиками—Гуситами. Въ нѣкоторыхъ актахъ находятся любопытныя упоминанія о распространеніи въ Сремѣ и Бачкѣ гуситства (№№ 754, 764 1437 г.), которое съ успѣхомъ искоренялъ сремскій епископъ Іаковъ. Подъ 1461 г. (№ 1042) помѣщено извлеченное изъ Ватиканскаго архива оригинальное изложеніе основныхъ пунктовъ гуситскаго ученія, проникшаго, какъ видно изъ даннаго памятника, и въ Молдавію.

Кромѣ церковныхъ дѣлъ и религіознаго вопроса, которымъ отводится первое мѣсто въ новоизданныхъ актахъ, въ послѣднихъ освѣщаются и другія стороны внутренняго состоянія Босніи и остальныхъ земель Балканскаго полуострова. Въ этомъ отношеніи особенно важны во первыхъ инструкціи членамъ ордена, которые посылались высшими духовными властями для обозрѣнія католическихъ епархій на полуостровѣ и во-вторыхъ донесенія какъ этихъ ревизоровъ такъ и другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ ордену, о положеніи дѣлъ въ южно-славянскихъ земляхъ. Изъ памятниковъ перваго рода наиболѣе заслуживаетъ вниманія инструкція, данная папой Григоріемъ XIII въ февралѣ 1582 г. фратру Бонифацію, епископу Стонскому, посланному въ объѣздъ по Далмаціи, Герцеговинѣ, Босніи, Хорватіи, Славоніи, Сербіи и Угріи; при своей обширности и обстоятельности (321—334 стр.) она представляетъ много намековъ и указаній на современность. Изъ донесеній наиболѣе любопытныя принадлежатъ Александру Комуловичу 1584 г. изъ Софіи, Бартоломею-Кашичу (1612—1618). Петру Кашичу, еп. Призренскому (1618, 1628), Мар. Маровичу еп. Боснійскому (1655), Матвѣю Бенлячу, еп. Бѣлградскому (1664) и др. Въ нихъ встрѣчаются цѣнныя указанія на политическія обстоятельства, особенно на отношенія турокъ къ покореннымъ народамъ, описаніе городовъ, селъ, цѣлыхъ округовъ и провинцій, свѣдѣнія о численности

жителей въ населенныхъ мѣстахъ, о степени ихъ экономическаго благосостоянія и проч. Нѣкоторые изъ актовъ этого рода писаны на сербохорватскомъ языкѣ. Такъ весьма характерны донесенія, посланные 14 мая 1633 г. Конгрегаціи de propaganda fide священникомъ Симеономъ Матковичемъ, о страшныхъ истязаніяхъ и мученіяхъ, какимъ онъ съ товарищами подвергся отъ турокъ, схватившихъ его по приказанію великаго визиря и наущенію патріарха Кирилла (422 стр.). Въ 1582 г. дубровницкіе купцы, проживавшіе въ Темешварѣ, писали по сербски, кириллицей, папѣ Григорію XIII о положеніи католической церкви въ Темешварѣ и просили объ учрежденіи въ ихъ городѣ школы. Между новоизданными актами попадаются и такіе, которые не находятся въ прямой связи съ дѣятельностью католическихъ миссіонеровъ въ южнославянскихъ земляхъ. Наиболѣе важнымъ изъ нихъ нужно признать письмо Венеціанской республики къ императору отъ 1463 г. о бѣдственномъ положеніи Босніи и о необходимости борьбы съ турками съ цѣлью изгнанія ихъ изъ Европы (стр. 254).

Этихъ немногихъ указаній достаточно, чтобы признать важное значеніе сборника о. Ферменджина.

4. Посмертный трудъ акад. Фр. Рачкаго.

Thomas archidiaconus: Historia Salonitana. Zagrabiae. 1894 (Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Volumen XXVI. Scriptores. Volumen III).

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Юго-славянская Академія издала весьма важный посмертный трудъ покойнаго своего члена и предсѣдателя, многозаслуженнаго историка южнаго славянства, незабвеннаго въ лѣтописяхъ славянской науки Dr. Фр. Рачкаго. Трудъ этотъ— критическій текстъ, съ примѣчаніями и объясненіями, хроники Ѳомы, архидіакона Сплѣтскаго, одного изъ древнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ источниковъ для исторіи Далмаціи и другихъ сербо-хорватскихъ земель полуострова. Архидіаконъ Ѳома жилъ въ первой половинѣ XIII ст. (р. 1201), игралъ важную роль въ своемъ родномъ городѣ Сплѣтѣ и написалъ обстоятельную его исторію, въ которой особенно подробно изобразилъ событія своего времени (1230—1266 г.). О заглавивъ свое сочиненіе исторіей салонскихъ и сплѣтскихъ архіепископовъ (Historia salonitanorum pontificum atque spalatensium), онъ вышелъ въ немъ далеко за предѣлы поставленной задачи. Автора занимали не исключи-

тельно церковныя дѣла Сплѣта, а вообще внутренняя жизнь этой городской общины и ея отношенія къ Венеціи и Угріи, а также общая политическая исторія Далмаціи. Между прочимъ особенно цѣнны оставленныя имъ свѣдѣнія о нашествіи татаръ на Угрію и Балканскій полуостровъ въ 1241—1242 г., которое онъ какъ современникъ, описалъ съ значительными подробностями.

До сихъ поръ хроника Ѳомы Сплѣтскаго имѣлась для употребленія ученыхъ только въ старыхъ изданіяхъ Лучича (De regno Dalmaciae) и Швандтнера (Scriptores rerum Hungaricarum III). Покойный Рачкій задумалъ критическое изданіе памятника и до смерти успѣлъ выполнить существенную часть работы: подготовилъ къ печати текстъ хроники по пяти древнѣйшимъ лучшимъ спискамъ и составилъ къ нему прекрасныя, обстоятельныя примѣчанія, въ которыхъ даны историческія и географическія объясненія къ показаніямъ хроники и подведены параллели изъ другихъ источниковъ. Въ такомъ видѣ послѣдній трудъ Рачкаго изданъ Академіей. Вводной статьи объ авторѣ хроники и значеніи его историческаго труда нѣтъ при изданіи: очевидно, она осталась ненаписанной. Вмѣсто предисловія помѣщена лишь найденная между бумагами Рачкаго замѣтка о рукописяхъ хроники. Очень жаль, что издателямъ памятника не пришла мысль перепечатать старую статью покойнаго историка о Ѳомѣ Сплѣтскомъ, помѣщенную въ рѣдкомъ теперь журналѣ, Književnik. 1864. 3 (Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srbsku povicst sredniega vieka). Она доселѣ сохраняетъ свое научное значеніе и была бы вполнѣ умѣстна въ настоящемъ изданіи. О достоинствахъ посмертнаго труда Рачкаго едва ли нужно распространяться: они тѣ же что и въ другихъ изданіяхъ славнаго историка. Передача текста произведена съ замѣчательною тщательностью, съ подведеніемъ разночтеній изъ всѣхъ лучшихъ списковъ; въ примѣчаніяхъ сказывается глубокое пониманіе издаваемаго источника и обширная эрудиція комментатора въ области южно-славянской исторіи. Настоящее изданіе, удовлетворяя насущной потребности исторической науки, вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнно въ томъ отношеніи, что еще разъ напоминаетъ о великой потерѣ, какую понесла Юго-славянская Академія, а съ нею и славянская наука въ лицѣ ея самаго виднаго представителя и неутомимаго дѣятеля, Dr. Фр. Рачкаго [1]).

[1]) Хроника Ѳомы Сплѣтскаго составляетъ 3-й томъ издаваемыхъ южно-славянской Академіей Scriptores. Первый томъ этого изданія посвященъ дубровницкой хроникѣ Раньины, а второй хроникѣ Растича.

5. Новая находка въ области древней глаголицы.

Glagolitica II. Grškovićev odlomak glagolskog Apostola. Izdao i ocijenio *Prof. V. Jagić*. Sa 4 fototipska snimka U Zagrebu. 1893. 129. (Starine XXVI).

Многозаслуженный славистъ, академикъ и профессоръ В. Ягичъ въ настоящее время безспорно является самымъ энергичнымъ и дѣятельнымъ изслѣдователемъ судебъ древней глаголицы и памятниковъ глаголической письменности. Ему выпала счастливая доля не только обогатить науку превосходными изданіями такихъ прежде извѣстныхъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, какъ Зографское и Марьинское (Григоровичево) Евангелія, но и сдѣлать нѣсколько новыхъ находокъ, которыя существенно увеличиваютъ запасъ древнихъ памятниковъ глаголической письменности и даютъ толчокъ къ разъясненію любопытныхъ и важныхъ вопросовъ по исторіи древней глаголицы. Пять лѣтъ тому назадъ ему удалось открыть въ вѣнской придворной библіотекѣ два пергаментныхъ глаголическихъ листка XII в., содержащихъ въ себѣ отрывки миссала. Изслѣдованіе объ этомъ памятникѣ (вмѣстѣ съ изданіемъ его), вышедшее въ 1890 г. [1]) поставило цѣлый рядъ общихъ вопросовъ о судьбѣ глаголицы и происхожденіи славянскаго миссала и сдѣлалось предметомъ оживленнаго обсужденія въ ученой литературѣ [2]). Въ прошломъ году въ одномъ изъ изданій юго-славянской академіи (Starine) явился новый замѣчательный трудъ акад. Ягича, посвященный изданію и изслѣдованію другаго новонайденнаго и опять древняго глаголическаго памятника. Трудъ этотъ долженъ занять важное мѣсто въ новѣйшей литературѣ о глаголицѣ и глаголической письменности.

Новооткрытый памятникъ, названный по имени его прежняго владѣльца Гершковичевыми отрывками, въ настоящее время хранится въ библіотекѣ Юго-славянской академіи. Онъ состоитъ изъ четырехъ пергаментныхъ листковъ малаго 4°, содержащихъ отрывки изъ Апостола (Дѣяній апостольскихъ глав. IV—IX). По мнѣнію г. Ягича листки эти никакъ не моложе конца XII в. О глубокой древности ихъ свидѣтель-

---

[1]) Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente. Mit zehn Tafeln. Wien. 1890 (Denkschriften. d. Wien. Ak. B. XXXVIII. Phil.—Hist. Cl.).

[2]) Ср. нашу статью Новое открытіе въ области глаголицы и вопросъ о происхожденіи славянскаго миссала. Унив. Изв. 1890 г.

ствуютъ и языкъ памятника, изобилующій архаизмами, и палеографическія особенности. Въ отношеніи содержанія памятникъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ первый слѣдъ существованія въ глагольской письменности полнаго Апостола (не апракосъ). Сверхъ того весьма важны находящіяся на поляхъ листковъ кирилловскія приписки почеркомъ конца XIII или начала XIV в., краснорѣчиво говорящія о томъ, что глаголическая рукопись, отъ которой сохранилось нѣсколько листковъ, когда-то была въ употребленіи при православномъ богослуженіи. По языку памятникъ принадлежитъ къ сербо-хорватской редакціи (*у* вм. *ѫ*, *е* вм. *ѧ* и т. п.), но и представляетъ существенное отличіе отъ всѣхъ другихъ глаголическихъ текстовъ этой редакціи въ томъ, что удерживаетъ *ы* *и*, и не смѣшиваетъ этотъ знакъ съ *и*. Между грамматическими формами встрѣчаются такія рѣдкія, какъ простые аористы (безъ соединительнаго гласнаго) или имперфектъ на—*шете*. Редакція текста также близко подходитъ къ древнѣйшимъ кирилловскимъ текстамъ Апостола. Глаголическое письмо Гершковичевыхъ листковъ значительно отличается отъ обычной хорватской глаголицы: оно кругловатое и близко напоминаетъ письмо вѣнскихъ листковъ.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, раскрытыхъ во всей ихъ полнотѣ и подробности въ самомъ изслѣдованіи, г. Ягичъ приходитъ къ заключенію, что глаголическій Апостолъ, уцѣлѣвшіе отрывки котораго были первоначально найдены на о. Керкѣ, въ Вербникѣ, ведетъ происхожденіе изъ сербскихъ земель, вѣроятно изъ Босніи гдѣ, нужно думать, глаголица не потеряла еще своего значенія въ церковной письменности даже въ XII в. и представляла свою особую форму, занимавшую средину между глаголицей хорватской и македонской. Насколько такое широкое обобщеніе, основанное на одномъ памятникѣ, можетъ быть принято какъ доказанное—это, конечно, трудно рѣшить. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что изданный и изслѣдованный ак. Ягичемъ новооткрытый глаголическій памятникъ проливаетъ еще одинъ лучъ свѣта въ загадочную исторію глаголической письменности, и что остроумныя соображенія и заключенія почтеннаго ученаго полны самаго живаго интереса.

Что касается частной обработки новаго труда, то онъ, какъ и другія подобныя работы того же автора, можетъ служить образцомъ того, какъ нужно издавать и критически изучать древніе тексты.

Весь памятникъ воспроизведенъ въ прекрасно исполненныхъ фототипическихъ снимкахъ, приложенныхъ въ концѣ книги, и въ точной кирилловской транскрипціи, внесенной въ текстъ изслѣдованія. Изученіе памятника со стороны языка, редакціи текста и палеографическихъ особенностей ведено со свойственными ученому автору ясностью, точностью и обстоятельностью. Въ дополненіяхъ помѣщены соотвѣтствующія тексту Гершковичевыхъ отрывковъ параллельныя мѣста изъ восьми древнихъ кирилловскихъ Апостоловъ. Въ цѣломъ работа вноситъ много новыхъ данныхъ въ изученіе старинаго славянскаго языка и славянской письменности.

Пользуемся случаемъ, чтобы занести въ нашъ обзоръ еще четыре новыхъ труда акад. Ягича, посвященныхъ южно-славянской письменности.

Одинъ изъ нихъ носитъ заглавіе „*Разум и филозофија.* Из српских књижевних старина. (Бѣлградъ. 1892. Споменик Срп.: Акад. XIII). Здѣсь изданъ старый славянскій переводъ извѣстныхъ сентенцій Менандра (Γνῶμαι μονόστιχαι Μενάνδρου) и другихъ отрывковъ изъ т. н. флорилегіевъ, содержащихъ въ себѣ старинныя философскія изреченія. Сентенціи Менандра (о Разумѣ) извлечены изъ знаменитаго сербскаго пергаменнаго сборника „попа Драголи“ (XIII—XIV в.), принадлежащаго проф. П. Сретьковичу, а прочія философскія статьи изъ того же сборника и нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ. Къ славянскимъ текстамъ подведены параллели изъ греческихъ источниковъ, а изданію памятниковъ предшествуетъ обширное предисловіе, въ которомъ дано разъясненіе ихъ рукописнаго преданія. Дополненіемъ къ этой работѣ служитъ другая, явившаяся въ томъ же году (1892) въ Sitzungsberichte Вѣнской Академіи: Die Menandersentenzen in der altkirchenslavischen Uebersetzung. Въ ней авторъ задается болѣе широкимъ вопросомъ о древней редакціи славянскаго перевода изреченій Менандра и, между прочимъ, привлекаетъ къ своему изслѣдованію русскіе тексты того же произведенія.

По сюжету близко примыкаетъ къ этимъ двумъ работамъ третья— Das Byzantinische Lehrgedicht Spaneas in der Kirchenslavischen Uebersetzung (1892. Sitzungsberichte d. Wien. Ak. B. C.XXVII), посвященная изученію славянскаго перевода византійскаго дидактическаго произведенія, извѣстнаго подъ сокращеннымъ названіемъ Σπανέα.

Наконецъ, въ самое недавнее время академикъ Ягичъ напечаталъ большой трудъ о „*Цетиньскомъ Октоихѣ 1494 г.*“, древнѣйшей кирилловской старопечатной книгѣ южнаго славянства [1])—Der erste Cetinjer Kirchendruck vom Jahre 1494. Eine bibliographisch—lexicalische Studien. Denkschriften. d. k. Akad. d. Wissensch. Philosoph.—histor. Classe. Bd. 43. Въ прошломъ году въ Черногоріи, какъ извѣстно, былъ торжественно отпразднованъ четырехсотлѣтній юбилей этой книги, начатой печатаніемъ, какъ это видно изъ послѣсловія, въ 1493 г. и оконченной въ 1494 г. Юбилей этотъ, между прочимъ, вызвалъ появленіе ряда статей и замѣтокъ (арх. Иларіона Руварца [2]), П. Ровинскаго [3]), И. И. Малышевскаго [4]) и др.), посвященныхъ выясненію вопроса объ основаніи Ободской или Цетиньской типографіи и описанію ея изданій. Академикъ Ягичъ первый взялся за всестороннее и глубокое изученіе самаго Октоиха 1494 г. Изслѣдованіе его состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой, раздѣленной на 17 главъ, разсмотрѣна исторія Цетиньской типографіи и судьба главныхъ ея дѣятелей—воеводы Гюрга Черноевича и священно-инока Макарія, дано подробное описаніе памятника, и представленъ подробный разборъ его содержанія со стороны редакціи текста и отношенія послѣдняго къ греческому оригиналу и рукописнымъ изводамъ. Вторую часть составляетъ греко-славянскій словарь къ тексту Октоиха съ прибавленіемъ къ нему славяно-греческаго слово-указателя. Словари эти представляютъ цѣнный матеріалъ для внутренней исторіи старо-славянскаго языка. Къ изданію приложенъ прекрасный фотографическій снимокъ двухъ страницъ изслѣдуемаго памятника.

6. Новоизданный памятникъ хорватской глаголической литературы XV в.

Kolunićev Zbornik. Hrvatski glagolski rukopis od godine 1486. Latinicom na svijet izdala Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. U Zagrebu. 1892., XXVIII + 276.

Юго-славянская Академія въ Загребѣ владѣетъ прекраснымъ собраніемъ хорватскихъ глаголическихъ рукописей, перешедшихъ къ

---

[1]) Древнѣйшая книга Южныхъ Славянъ, напечатанная *глаголицей*—миссалъ 1483 г.

[2]) О цетинској штампарији пре четири стотине година. У Београду 1893. Глас. XL.

[3]) Ободска штампарија на ријеци Црнојевића у „Црној гори“ Цетиње 1893.

[4]) Труды Кіевской Духовной Академіи 1893 г.

ней главнымъ образомъ отъ знаменитаго хорватскаго патріота, ученаго и писателя Ивана Кукулевича—Сакцинскаго. Между ними весьма видное мѣсто и по объему, и по содержанію, и по языку занимаетъ рукопись, изданная два года назадъ Академіей подъ названіемъ Колуничева сборника. Она написана въ 1486 году „жаканомъ“ Брозомъ Колуничемъ для Леонарда, викарія гатанскаго, и содержитъ въ себѣ проповѣди въ дни св. Четыредесятницы и трактатъ о семи смертныхъ грѣхахъ. Подобные сборники религіозно—поучительнаго содержанія были весьма распространены въ старинной хорватской литературѣ. Между прочимъ, одинъ изъ нихъ, т. н. *Иваничевъ Сборникъ*, относящійся къ тому же XV ст., а, быть можетъ, и къ болѣе ранней эпохѣ, прекрасно описанъ Ив. Милчетичемъ въ изданіи той же Академіи Starine кн. XXIII. Въ немъ также находится статья о семи смертныхъ грѣхахъ. Равнымъ образомъ и проповѣди на дни св. Четыредесятницы оказались въ другой глаголической, но болѣе поздней рукописи (XVI в.), принадлежащей той же Академіи.

Оба произведенія „Проповѣди“ и „О семи смертныхъ грѣхахъ“, несомнѣнно представляютъ если не переводъ, то передѣлку латинскихъ или итальянскихъ образцовъ того же рода. На итальянскій источникъ указываетъ присутствіе въ языкѣ памятниковъ значительнаго количества итальянизмовъ (напр. Karla Majna = Carlo Magno). Колуничъ назвалъ переписанныя имъ проповѣди Knige svetoga Brnardina. Но между произведеніемъ этого св. отца и данными проповѣдями не оказалось ничего общаго. Оригиналы этихъ произведеній остаются пока неизвѣстными. Содержаніе ихъ и внѣшніе пріемы изложенія носятъ сильный отпечатокъ средневѣковой схоластики. Тѣмъ не менѣе въ общемъ сборникъ представляетъ любопытное явленіе старинной хорватской литературы, раскрывая одну изъ сторонъ вліянія на нее религіозно-католической литературы Запада. Весьма важенъ онъ и по языку, въ которомъ ясно выступаетъ борьба народнаго чакавскаго говора съ мертвымъ хорватскимъ церковнымъ языкомъ, основаннымъ на старославянщинѣ.

Изданіе памятника сдѣлано подъ наблюденіемъ почтеннаго южнославянскаго ученаго г. М. Вальявца. Тексту предпослано небольшое предисловіе, въ которомъ кромѣ библіографическихъ указаній, дано подробное описаніе рукописи и сдѣлана общая характеристика языка текстовъ съ перечнемъ встрѣчающихся въ нихъ иностранныхъ словъ. Къ

сожалѣнію историко-литературный разборъ находящихся въ рукописи произведеній, столь желательный въ изданіяхъ, подобныхъ данному, оставленъ безъ вниманія.

Нѣкоторый упрекъ можно сдѣлать относительно способа изданія рукописи. Она напечатана латиницей. Такимъ образомъ г. Вальвецъ отступилъ отъ принятаго Академіей правила издавать глаголическіе тексты въ кирилловской транскрипціи. Въ объясненіе такого отступленія онъ ссылается на стремленіе сдѣлать памятникъ исключительно римско-католическаго содержанія доступнымъ для людей, незнакомыхъ съ кириллицей. Но такое объясненіе не выдерживаетъ критики. Во первыхъ, считаясь съ содержаніемъ сборника приходится признать примѣненіе въ данномъ случаѣ латиницы непослѣдовательнымъ, такъ какъ упомянутый выше Иваничевъ сборникъ—такого же религіозно-поучительнаго содержанія и, однако, былъ изданъ Академіей въ кирилловской транскрипціи. Во вторыхъ, при параллельномъ изученіи въ школахъ обѣихъ сербо-хорватскихъ азбукъ—латиницы и кириллицы—послѣдняя едва ли можетъ представлять какое-либо затрудненіе для грамотныхъ людей и тѣмъ болѣе для лицъ образованныхъ, которыхъ только и могутъ занимать произведенія древней письменности въ родѣ даннаго. Въ третьихъ издателю при воспроизведеніи памятниковъ латиницей пришлось все же позаимствовать одинъ знакъ изъ кириллицы (ѓ), черезъ что правописаніе изданныхъ текстовъ получило смѣшанный видъ, который непосвященныхъ читателей можетъ затруднять гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенная кириллица.

Намъ кажется, что прежде принятая Юго-славянской Академіей система изданія глаголическихъ памятниковъ вполнѣ цѣлесообразна. Отступленія отъ нея едва ли можно считать желательными.

7. Два труда по исторіи сербской церкви.

1. Нићифора Дучића архимандрита, Историја српске православне цркве од првијех десетина VII в. до наших дана. Биоград. 1894. 16⁰ XI + 371. (Књижевни радови Нић. Дучића. Књига 9).

2. Историја Српске цркве од Епископа Никанора Ружичића. Књига прва. У Загребу 1893. 16⁰. V + 327.

Архимандритъ Никифоръ Дучичъ, извѣстный изслѣдователь сербской старины, авторъ прекраснаго описанія Черной Горы и, многихъ частныхъ разысканій въ области исторіи, археологіи и географіи серб-

скихъ земель [1]), недавно издалъ книгу, въ которой давно чувствовалась потребность въ сербской литературѣ, и которая съ пользой и удовольствіемъ можетъ быть прочтена всѣми, кого занимаютъ судьбы южнаго славянства. Это—обзоръ исторіи сербской православной церкви съ первыхъ десятилѣтій VII в. до нашего времени.

Мы уже отмѣтили важный фактъ значительнаго оживленія въ Сербіи историческихъ изученій, сказывающагося главнѣйше въ изданіи новыхъ матеріаловъ и умноженіи монографическихъ изслѣдованій. Но общихъ обзоровъ полной исторіи Сербскаго народа все еще нѣтъ. Сочиненія П. Сречковича и его ученика Убавкича доведены только до XIV в.; предпринятая Л. Ковалевичемъ и Л. Іовановичемъ „Историја српскога народа“ остановилась на первомъ выпускѣ, который вышелъ уже вторымъ изданіемъ и содержитъ изложеніе судьбы Балканскихъ Славянъ до нач. IX в. [2]). Въ сербскихъ гимназіяхъ учебникомъ по исторіи роднаго парода все еще служитъ, если не ошибаемся, книга, написанная мадьяромъ Каллаемъ. При такихъ обстоятельствахъ сочин. архим. Н. Дучича, заключающее въ себѣ полный обзоръ судебъ сербской православной церкви, представлястъ собой весьма желанное и отрадное явленіе. Будемъ надѣяться, что за исторіей церкви явится въ сербской литературѣ и полная исторія сербскаго народа.

Трудъ архим. Н. Дучича есть сжатое изложеніе лекцій, читанныхъ сербскому королю Александру I и разсматривается авторомъ какъ учебникъ для духовныхъ семинарій или вообще какъ популярная книга, назначенная для широкой публики. Соотвѣтственно такому своему назначенію онъ лишенъ обычнаго научнаго аппарата (т. е. ссылокъ на источники и пособіе) и тѣмъ не менѣе вполнѣ сохраняетъ свое научное значеніе, такъ какъ основанъ на внимательномъ изученіи источниковъ и литературы предмета. Почтенный авторъ выступаетъ предъ нами знатокомъ дѣла; въ своей работѣ, матеріалъ для которой, по его словамъ, онъ собиралъ 20 лѣтъ, онъ даетъ цѣльную и критическую исторію сербской церкви. При всемъ томъ мы не можемъ не пожалѣть, что въ книгѣ не отведено нѣсколько страницъ краткому перечню важнѣйшихъ источниковъ, коими воспользовался авторъ, и главнѣйшихъ трудовъ, служившихъ ему подспорьемъ при

---

[1]) Въ настоящее время арх. Дучичъ занятъ изданіемъ своихъ трудовъ. Кромѣ „Исторіи сербской церкви“ вышло три книги. О первой см. нашу замѣтку въ Унив. Изв. 1891 г.

[2]) Объ этой книжкѣ мы имѣемъ въ виду помѣстить особую замѣтку.

составленіи данной работы: отъ такого перечня книга только выиграла бы, такъ какъ заключала бы въ себѣ указанія на итоги научнаго изученія предмета и облегчала бы любознательному читателю разысканіе сочиненій, въ которыхъ можно было бы найти болѣе подробное разъясненіе того или другаго частнаго вопроса по исторіи сербской церкви.

Главныя достоинства сочиненія, арх. Дучича: цѣльность и систематичность изложенія, объективность сужденія, ясный и точный языкъ. Книга раздѣлена на четыре части, соотвѣтственно четыремъ періодамъ въ исторіи сербской церкви. Первый періодъ обнимаетъ время отъ принятія христіанства въ VII в. до учрежденія сербской архіепископіи въ 1219 г.; второй отъ 1219 до учрежденія сербскаго патріаршества въ 1346; третій отъ 1346 г. до уничтоженія сербскаго патріаршества въ Печи въ 1766 г.; четвертый—отъ 1766 г. до послѣднихъ дней. Въ этихъ отдѣлахъ разсматриваются судьбы православной церкви во всѣхъ сербскихъ земляхъ—т. е. въ древнемъ сербскомъ государствѣ, въ Босніи и Захолмьѣ, Черногоріи, Далмаціи и земляхъ австрійскихъ сербовъ. Главное вниманіе автора здѣсь обращено на внѣшнюю исторію; онъ разсказываетъ объ обстоятельствахъ утвержденія христіанства въ сербскихъ земляхъ, объ учрежденіи архіепископіи и патріаршества и епископскихъ каоедръ, сообщаетъ біографическія свѣдѣнія объ архіепископахъ и патріархахъ, останавливается подробно на богомильской ереси и менѣе подробно на католической пропагандѣ, слѣдитъ за перемѣнами въ церковно-іерархическомъ строѣ и пр. Факты внутренней исторіи собраны преимущественно въ „дополненіяхъ“, гдѣ кратко говорится о сербскихъ Святыхъ, объ обычаѣ „краснаго имени“, о сербскихъ монастыряхъ, о сербско-славянской литературѣ, о первыхъ сербскихъ типографіяхъ.

Въ недостаточной разработкѣ внутренняго состоянія сербской церкви заключается слабая сторона сочиненія арх. Дучича. Мы не видимъ въ немъ полной картины несомнѣннаго вліянія церкви на государственную и народную жизнь сербскаго племени, не находимъ характеристики духовенства, его положенія среди другихъ сословій, мало узнаемъ о монастыряхъ, ихъ правахъ и привилегіяхъ и значеніи какъ важныхъ просвѣтительныхъ центровъ; нѣтъ въ данной книгѣ и свѣдѣній о религіозномъ и нравственномъ состояніи общества и народныхъ массъ въ разныя эпохи. Матеріалъ для изложенія этихъ и по-

добныхъ вопросовъ, правда, не очень значителенъ, но все же имѣется; напр. для древняго періода можно указать на многочисленныя грамоты, житія и Законникъ Душана. Изъ послѣдняго памятника и нѣкоторыхъ грамотъ еще Голубинскій въ своей исторіи сербской церкви сдѣлалъ извлеченія нѣкоторыхъ данныхъ, относящихся къ церкви и духовенству. Теперь эти данныя могли бы быть значительно пополнены. Кстати сказать „Исторія сербской церкви“ Голубинскаго (ок. 250 стр.), входящая въ составъ его труда „Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, болгарской сербской и румынской“. (М. 1871) доселѣ представлятъ собой первый и единственный опытъ строго научнаго изложенія полной исторіи сербской церкви. Вліяніе этого замѣчательнаго труда русскаго профессора весьма замѣтно и на сочиненіи арх. Дучича.

Не смотря на указанную неполноту разбираемая книга составляетъ (какъ уже замѣчено) весьма важное явленіе сербской литературы. Лучшими частями труда нужно признать разсказъ о св. Савѣ и главу о Черногорской церкви.

Нѣсколько раньше выхода въ свѣтъ сочиненія Дучича, въ 1893 г., въ Загребѣ, изданъ другой трудъ по исторіи сербской церкви, принадлежащій епископу Никапору *Ружичичу*. По словамъ самаго автора трудъ этотъ тоже назначенъ для народа и не имѣетъ характера научнаго изслѣдованія, но въ сравненіи съ предыдущимъ онъ задуманъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, именно разсчитанъ на четыре—пять книгъ. Вышедшая въ свѣтъ первая книга обнимаетъ только древнѣйшій періодъ исторіи сербской церкви до начала XIII ст. Имѣя въ виду столь значительный объемъ сочиненія, можно было бы ожидать, что оно будетъ содержать въ себѣ хотя и популярное, но все же обоснованное источниками изложеніе фактовъ. Для ссылокъ, хотя бы въ концѣ книги, не потребовалось бы много мѣста въ многотомномъ сочиненіи. Но авторъ съ цѣлью сдѣлать свое сочиненіе болѣе доступнымъ для публики счелъ не нужнымъ подтверждать свое изложеніе цитатами изъ источниковъ и ограничился сообщеніемъ въ началѣ книги списка изданій, послужившихъ для него матеріаломъ при работѣ. Въ спискѣ этомъ источники смѣшаны съ пособіями; при томъ онъ далеко не полонъ [1]) и представляетъ не мало неточностей (напр. искаже-

[1]) Напр. не упомянутъ „Споменикъ“ Сербской Академіи, мои Аѳонскіе акты, сочиненіе Рачкаго Bogomili i Patareni, новѣйшія сочиненія о Кириллѣ и Меѳодіи и проч.

но заглавіе такого важнаго сочиненія какъ „Краткій очеркъ исторіи церквей“ Голубинскаго.

О методѣ своего изложенія преосв. Никаноръ говоритъ слѣдующее: „Эту и другія части своего труда мы составили на основѣ извѣстныхъ доселѣ историческихъ памятниковъ и источниковъ и добытыхъ историческихъ результатовъ. Мы писали по своему разумѣнію (по своме схваћању) и глубокому убѣжденію (дубоком уверењу), держась логики историческихъ событій, а не заботясь о томъ, что скажутъ шовинисты и еще менѣе—болгарофилы и всѣ вообще люди, которымъ вслѣдствіе непонятной ненависти къ намъ горька и противна истина“. И въ другомъ мѣстѣ: „Все что мы здѣсь сообщаемъ, мы вычитали въ разныхъ книгахъ, написанныхъ извѣстными историками и учеными“. Однако, ближайшее знакомство съ сочиненіемъ приводитъ къ заключенію, что изъ приведенной тирады оказывается вѣрною только та часть ея, гдѣ авторъ говоритъ, что пишетъ исторію сербской церкви „по своме схваћању“, не справлясь съ мнѣніемъ шовинистовъ. О передачѣ въ книгѣ результатовъ, добытыхъ исторической критикой при изученіи разсматриваемыхъ вопросовъ, не можетъ быть и рѣчи. Во многихъ мѣстахъ своего труда преосв. Никаноръ высказываетъ такія странныя сужденія, которымъ трудно найти подтвержденіе въ указанныхъ имъ источникахъ или строго научныхъ сочиненіяхъ современныхъ ученыхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ сужденій: сербы были родоначальниками народовъ словенскаго племени, начали переселяться на Балканскій полуостровъ и побережье Солунскаго залива и Средиземнаго моря еще до временъ имп. Траяна; впослѣдствіи переселенія усилились и сербы распространились почти по всему Балканскому полуострову; въ солунской области было *сербское* княжество; Кириллъ и Меѳодій по матери были *сербы* [1]), говорили *по-сербски* и священное писаніе перевели на *сербо-славянскій* языкъ; Меѳодій, въ міру Михаилъ, былъ *сербскимъ* княземъ зналъ глаголицу и старыя *сербскія* письмена и помогалъ *сербскимъ* священникамъ въ дѣлѣ перевода богослужебныхъ книгъ на *сербословенскій* языкъ, а Кириллъ изобрѣлъ болѣе совершенную азбуку—кириллицу; на пути въ Римъ св. братья останавливались въ *Бѣлгра-*

[1]) Сваки одговор и свака реч њихова показиваше и тврђаше, да су они (т. е. Кириллъ и Меѳодій) прави Срби и да су заноjени млеком и крвьу српске мајке (99 стр.).

дь, Мачвъ, Боснь, Травуніи, Захолмьи Неретвь, Далмаціи, словомъ во *всьхъ сербскихъ земляхъ*, утвердили здѣсь христіанство и положили начало *сербско-словенской* письменности; Меѳодій былъ не только паннонскимъ, но и *сербскимъ* епископомъ; Гораздъ крестилъ болгарскаго князя Бориса; императоры Юстиніанъ и Василій Македонянъ были *сербы* и т. д. Весьма желательно, чтобъ почтенный авторъ во второмъ изданіи своей книги подтвердилъ всѣ эти положенія соотвѣтствующими ссылками на источники и изслѣдованія „извѣстныхъ“ ученыхъ. Иначе, среди современныхъ ученыхъ они могутъ вызывать только удивленіе.

Нельзя не привести нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ пріемы автора при пользованіи источниками. Извѣстныя слова импер. Михаила къ Константину и Меѳодію, сохраненныя въ Паннонскихъ житіяхъ, переданы слѣдующимъ образомъ: „ви сте Солуњани и сви Солуњани говоре чисто с р б о с л о в е н с к и (88 стр.) (въ подлинникѣ: словѣньски); извѣстное мѣсто о „чертахъ и рѣзахъ“ изъ сочиненія Черноризца Храбра сообщено въ такой произвольно-искаженной формѣ: „С р б л ь е Славѧне чрътами и рѣзами ч р ъ т ѣ х у и гатаху погани суще...(316 стр.); цитата изъ греческаго сочиненія Константина Порфиророднаго сообщена въ странной старославянской формѣ (заимствованной, вѣроятно, изъ книги Раича), указывающей что авторъ не имѣлъ въ рукахъ греческаго текста источника „И находѧсь Серби въ подчиненіи оу Императора Греческаго, приведши изъ Рима свѧщениковь, Императорь Ираклій крестиль ихъ и наоучиль дѣлать благочестїѧ“. Но особенно характерно свидѣтельство, приписываемое блаженному Ѳеодориту, который, будто бы, описывая дѣятельность св. Іоанна Златоуста, между прочимъ говоритъ: Златоустъ много потрудился въ дѣлѣ распространенія Христіанства между Сербо-славянами“ („Златоуста се много трудио око ширења Хришћанства међу Србо—словенима“) (50 стр).

Этихъ данныхъ достаточно, чтобы составить понятіе объ общемъ направленіи и научномъ значеніи книги Преосв. Никанора Ружичича.

Т. Флоринскій.

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА.
СПБ. ЛИТЕЙНЫЙ ПР. 55.

2007111657